

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Studium, June 1928, стр. 324-328, цитируется по книге Richard Drake, "Julius Evola, Radical Fascism and the Lateran Accords", Catholic Historical Review, July 1988, p. 411. См. также Thomas Sheenhaus, "Myth and Violence", Social Research, Spring 1981.
- 2 Christliche Welt, Faszismus und Fundamentalismus in den USA, 1924, стр. 235-243.
- 3 Edgar Alexander, Der Mythos Hitler (Zurich, 1937), стр. 21, 223-225. Александер цитирует Mein Kampf (Munich, 1933), стр. 189, 379.
- 4 См. E. Abrahamian, "May Day in the Islamic Republic", в Khomeinism (Berkeley, 1993), стр. 66-87. Первоначально исламского духовенства в том виде, в каком христианское духовенство существует на Западе, не было. Происшедшее в Иране, считает Бернард Льюис, можно назвать христианизацией ислама.
- 5 См. Said Arjomand, The Turban and the Cross (New York, 1988), стр. 209.
- 6 См., например, Aurel Kolnai, The Revolt Against the West (London, 1938).
- 7 Но верно и то, что хаос, последовавший за окончанием войны в Афганистане, и непрекращающаяся разрушительная война между племенами привели к возникновению фундаменталистского движения Талибан. Радикализм его молодых членов в некоторых отношениях превосходил радикализм иранских мулл.
- 8 День, 1992, стр. 26.
- 9 Paul Mojzes, Yugoslav Inferno (New York, 1994), стр. 134.
- 10 Алексей Малашенко. Из прошлого в прошлое. Фундаментализм ислама и православие. Свободная мысль. 14 (1993), стр. 69-83.
- 11 Pram Shankar Jha, "The Fascist Impulse in Developing Countries", Studies in Conflict and Terrorism 17 (1994), стр. 229.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Мартин Сеймур Липсет, Эрл Рааб

ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ*

ДИЛЕММА АМЕРИКАНСКИХ МЕНЬШИНСТВ

В романе "Возвышение Давида Левинского", принадлежащем перу Абрахама Кахана, летописца еврейской жизни в США конца XIX – начала XX века, описана сцена в одной из гостиниц Кэтскилла (штат Нью-Йорк). Музыкантам никак не удавалось расшевелить публику в салоне гостиницы, состоящую в основном из преуспевающих иммигрантов-евреев. "Наконец дирижер решился на последнее средство. Оркестр заиграл "Звездное знамя". Эффект был ошеломляющим. Несколько сот обедавших поднялись с мест, как один человек, и разразились аплодисментами. Дети и многие взрослые весело и страстно подхватили мелодию... В нашей овации слышался отзвук вновь обретенных долларов. Но было здесь еще кое-что. Многие из тех, кто отдавал честь звездно-полосатому флагу, слушали песню с торжественными, серьезными лицами. Они как бы провозглашали: "Под этим флагом никто не смеет нас преследовать. Наконец мы обрели дом". Любовь к Америке вспыхнула в моей душе. Я крикнул музыкантам: "Это моя страна", и рыдания пронеслись по всему залу".¹

Эти иммигранты так эмоционально приветствовали Америку за то, что она дала евреям свободу, положение в обществе и виды на будущее. Однако сегодня, на пороге

**Главы из книги Seymour Martin Lipset and Earl Raab. Jews and the New American Scene. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts and London, England, 1995*

нового века такого взрыва безудержной радости уже не встретишь. У американских евреев ныне значительно больше возможностей и свободы, чем когда-либо раньше; и все же американское еврейство сталкивается в канун нового тысячелетия с некоторой неясностью относительно своего будущего.

Сейчас в 90-е годы XX века евреи избираются в Конгресс США своими соотечественниками-американцами в пропорции, втрое превышающей их долю в населении страны. Но в то же время еврейские организации сообщают о росте антисемитского вандализма, а социологические обследования выявляют распространение в еврейской среде беспокойства в связи с антиеврейскими настроениями в обществе. Хотя американская еврейская община сейчас сильна, как никогда прежде, если судить по численности еврейских организаций и объему денежных пожертвований, очевидно и то, что все больше молодых евреев отходят от семейных традиций, столь дорогих их отцам и дедам. Хотя возрождение государства Израиль стало поворотным пунктом в активизации еврейской жизни в США, американские евреи не сразу преодолели эмоциональные и философские разногласия в своем отношении к Израилю, и то только поскольку речь шла о политической поддержке страны, находящейся в осаде.

Эта неясность стала предметом острой дискуссии в американской еврейской общине, особенно в ее руководящих кругах. Опасение утратить "еврейскую преемственность" стало главным вопросом повестки дня. В связи с этой проблемой стали создаваться многочисленные комиссии, созываться конференции, проводиться обследования. Вся эта деятельность усилилась после весьма достоверного выборочного статистического обследования еврейского населения США, проведенного в 1990 г. Это обследование подтвердило существовавшие раньше, но не высказывавшиеся вслух опасения. Наибольшую озабо-

ченность вызвал тот обнаружившийся факт, что более половины всех браков, заключенных евреями за предшествовавшее десятилетие, были смешанными и что большинство детей от этих браков вряд ли получают еврейское воспитание. На второе место после вопроса о "еврейской преемственности" вышла проблема неустойчивости отношений между Израилем и диаспорой; по ней тоже в изобилии созывались конференции и комиссии. На ежегодных собраниях еврейских общественных организаций по всей стране все еще идут ожесточенные споры о том, является ли антисемитизм постоянной опасностью или нет. Возникают также споры о том, служит ли по-прежнему интересам американских евреев их традиционная либеральная политическая ориентация, если принять во внимание их нынешнее социально-экономическое положение.

Похоже, что еврейская жизнь в США вся пронизана подобными спорными вопросами; если вспомнить о страсти евреев к словопрениям, неудивительно, что множится количество работ о положении американского еврейства, как ценных, так и не очень. Авторы этих работ, так же как и участники комиссий и конференций, задаются все тем же вопросом – "в чем же проблема американского еврейства?". Ответы на этот вопрос нередко искажаются под влиянием эмоций и идеологических пристрастий.

Обычно проблема ассимиляции и упадка ставится так, что вина за эти явления возлагается исключительно на само американское еврейство, тогда как на самом деле ответ на вопрос следует искать в динамике отношений между американским обществом и еврейской общиной. Во многом отношения между ними носят особый характер вследствие созвучия ценностей и характерных черт еврейского народа и американского общества.

Алексис де Токвиль, автор книги "Демократия в Америке", остающейся самым глубоким исследованием американской культуры, отмечал, что Соединенные Штаты –

страна “исключительная”, то есть в ряде отношений качественно отличная от других наций. Почти все страны, за исключением США и принопамятного Советского Союза, представляют собой исторически определенные нации, объединенные общей историей, а не политической доктриной. Хотя иммигранты почти всюду могут получить гражданство, быть англичанином, французом, немцем или русским означает преимущественно некое врожденное качество. Будучи новой нацией, само возникновение которой было связано с новой для своего времени идеологией, Америка отличается от других государств, и потому быть американцем – нечто иное.

Американизм – это “-изм” или идеология, подобно тому как “-измами” являются коммунизм, фашизм и либерализм. Сложившийся американский символ веры может быть определен четырьмя понятиями: антиэтатизм, индивидуализм, эгалитаризм и популизм.² Сознывая себя с 1776 г. и до XX в. центром либеральной революции, США были открыты для новых граждан, готовых принять этот символ веры. И наоборот, тот, кто отвергал это кредо и принимал другое, мог быть клеймен как чужак, независимо от того, где он родился.

Исключительный характер Америки привел к формированию норм универсализма и равенства, благоприятствовавших индивидуализму и развитию капиталистического рынка. США возникли как новое общество и стали крупной индустриальной страной, не будучи отягощены наследием феодализма. Если исключить особое положение с неграми и, в какой-то степени – с коренными американцами (индейцами), в американском обществе не было четко ограниченных статусных групп, подобных кастам или сословиям (англ. – *estates*, нем. – *standen*). Феодальные и аристократические системы требовали видимых знаков почтения к вышестоящим. Они негативно относились к социальной мобильности, подчеркивая се-

мейное происхождение и этнорелигиозную принадлежность как врожденные определители гражданства и социального статуса.

Как отмечается в большинстве туристских путеводителей XIX века, в том числе в бедекеровских, главное отличие Америки от Европы состояло в убеждении, что социальный статус и материальное благосостояние могут быть обретены через достижения. Чтобы заслужить уважение других, не обязательно родиться с высоким положением. В Европе же новый (средний) класс не сразу добился более высокого положения – это произошло лишь по мере роста его экономических ресурсов.³

Как отмечали Фридрих Энгельс, Антонио Грамши, Макс Вебер и другие социальные теоретики, Америка – чистейший пример буржуазного общества, следующего капиталистическим нормам. Главной из этих норм является универсализм, то есть всеобщность логики рынка и отсутствие наследственных преимуществ. Людей нанимают на работу потому, что они наиболее компетентные работники, имеющиеся на рынке, независимо от того, белые они или черные, евреи или христиане. Расовая либо религиозная дискриминация при найме в конечном счете подрывает конкурентоспособность прибегающего к ней предпринимателя. Восприятие Америки как меритократии [общество, в котором социальный статус определяется заслугами. – Ред.], как открытого общества предполагает, что она более открыта для людей талантливых, эффективных, компетентных.

Универсализм – наиболее широкий, и, вероятно, наиболее радикальный основополагающий принцип либерализма, непосредственно ведущий к признанию равенства людей. Однако само равенство – более сложный элемент либеральной идеологии. О том, какова сущность равенства и кого можно включать в число равных, идут вечные споры. Впрочем, в американском понимании равенство никог-

да не означало равного распределения экономических благ. Как отмечал де Токвиль, американская концепция равенства подразумевает, во-первых, равенство возможностей, а во-вторых, право каждого на равное уважение.

Этот второй аспект равенства связан с признанием всеобщей и равной ценности человеческой личности (хотя во времена де Токвиля такой эгалитаризм определял отношения только среди белых мужчин). В отличие от постфеодальной Европы или Японии, в Америке следует проявлять уважение ко всем людям, независимо от их экономического либо политического статуса или от того, евреи они или христиане. Этот эгалитаризм был частью американского сознания еще до Войны за независимость. В 1756 г. газета "Пенсильвания джорнэл" писала: "Народ этой провинции в целом относится к среднему слою и в настоящее время живет вполне сносно... Самый скромный здесь считает, что у него есть право на достойное обращение со стороны самого великого".⁴

Благодаря всем этим исключительным условиям Америки, евреи в США впервые в истории своей жизни в диаспоре получили возможность стать равноправными членами общества. Из множества этнических и религиозных меньшинств, приставших к этим берегам в поисках свободы и перспектив, евреи особенно много выиграли от американской открытости, эгалитаризма и социального разнообразия. В Новом Свете они не находились на положении изгоев, как это было в Европе и в мусульманском мире. Эдвард Тиракян пишет об этом так:

«Исключительность американского отношения к евреям состоит прежде всего в том, что хотя США не являются и не могут стать онтологически и экзистенциально той "Землей", которой является для евреев Израиль, Америка была для них более подходящим и гостеприимным домом, чем любое другое место поселения вне самого Израиля...

...Чем Америка отличается для евреев от других стран?

Главное в том, что евреи в Америке не были отодвинуты на обочину общества как "полностью чуждые" из-за их религии: здесь не было исторического опыта гетто, не было погромов. Напротив, вследствие глубинного структурного сходства между кальвинистским пуританизмом и иудаизмом именно в Америке евреи все больше сливаются в социально-культурном отношении с основной частью общества, что символизируется в последние годы широким распространением термина "иудеохристианин".⁵

В XIX в. в некоторых странах Западной Европы становится нормой предоставление евреям политического равноправия, включая право голосовать и занимать государственные должности. Но эмансипация евреев в Европе происходила иначе, чем в Америке. Как подчеркивал Тодд Эндельман, права английских евреев были скорее "купленными, нежели свободно предоставленными, и когда в 1829 г. [Британский] Совет еврейских депутатов решил добиваться политической эмансипации, то именно богатство и связи в правительстве [Ротшильда и Голдсмита] сыграли главную роль в предоставлении евреям доступа к государственной службе".⁶ В Америке же евреи-мужчины получили избирательное право вместе со всеми белыми мужчинами и намного раньше, чем в других странах, добились заметного положения в политике. Америка обеспечила евреям наиболее благоприятную среду по сравнению со всеми странами, где им приходилось жить со времен изгнания из Палестины в I-II в.в. Получив свободу и новые возможности, евреи стали ориентироваться на интеграцию в американское общество и добились выдающихся успехов в духовной, экономической и политической жизни.

Однако американские исключительные обстоятельства имели и оборотную сторону. Те же причины, которые поощряли евреев принимать участие в изобильной американской жизни, подрывали традиционный иудаизм и побуж-

дали евреев усваивать нормы и обычаи большинства. Опыт всех иммигрантов в США показывает, что успех и ассимиляция идут рука об руку. Большинство из тех немногих евреев, что прибыли в Америку в колониальную эпоху и в первые годы независимости, отошли от иудаизма, главным образом в результате смешанных браков. То же произошло с многочисленными еврейскими иммигрантами, в основном из Германии, поселившимися в США незадолго до и сразу после Гражданской войны. Эта группа, насчитывавшая четверть миллиона человек, стремилась американизировать свою религию, сделать ее похожей на протестантизм или унитаризм американского среднего класса. Как и прежние иммигранты, и они часто вступали в смешанные браки.

Современное еврейское население США сформировалось главным образом в результате иммиграции нескольких миллионов евреев из Восточной Европы, которая продолжалась с 1880-х г.г. до начала Первой мировой войны. Выходцы из Восточной Европы повторили историю выходцев из Германии – экономическое и социальное возвышение, вхождение в средние и высшие круги деловой, научной и политической жизни современной Америки. Но и сегодня будущее еврейства подрывает ассимиляция. Большинство американских евреев отказываются от своей самобытности добровольно, а не чтобы избежать угнетения и невзгод, как это бывало с евреями в другие времена и в других местах, в особенности в Европе. Эрозия самобытности – главным образом, результат жизни в Америке. Проблема состоит в том, что американское общество совершает то, что большинство людей считают правильным: оно гарантирует гражданам личные свободы для достижения успеха и социального статуса по их способностям, независимо от их происхождения.

Разумеется, этот американский *идеал*, осуществляющийся для многих этнических групп довольно медленно –

все еще далек от реализации (в особенности для тех, кто прибыл в страну как рабы, а не как иммигранты). Однако это такой идеал, осуществление которого неизбежно вследствие самой сути общества. Во всяком случае, в такой мере синтезированное американско-еврейское самосознание объясняется теми же уникальными особенностями американской культуры, которые воздействуют и на людей другого национального происхождения, будь то ирландцы, итальянцы, китайцы, выходцы из Латинской Америки или африканцы. Кроме чернокожих, все смешиваются в мощном плавильном котле.

Все подобные группы, включая евреев, могут быть определены, как *племенные* – термин, который в своем исходном смысле относится к группе, связанной кровным родством и обладающей особыми обычаями, традициями и ценностями – религиозными, языковыми и иными. Жизнь в Америке ставит каждую такую группу перед дилеммой в форме антагонизма между индивидуализмом, представляющим собой ценность для большинства членов родовой группы, и групповым самосознанием, также имеющим большое значение для ее членов. Отсюда возникает конфликт, который ослабляет родовые узы, несмотря на все эмоциональное сопротивление этому процессу и организованные попытки его затормозить. Отождествление себя с группой уже не дает человеку того чувства осмысленного существования, которое могло бы перевесить результаты личных достижений.

Мы полагаем, что загадка индивидуального успеха евреев как совокупности отдельных людей на фоне эрозии еврейской общины может быть раскрыта на основе сопоставления между американской исключительностью и еврейской исключительностью. Американская исключительность определяется неповторимыми историческими условиями, в которых зародилась нация, и уникальной национальной идеологией, которую породили эти условия.

Выражение “еврейская исключительность” относится к необычайной истории еврейского народа и к необычайному рвению, с которым американские евреи восприняли американский символ веры, в результате чего им удалось достигнуть экономического, политического и социального преуспеяния. Лишь изучив динамическую связь между этими двумя формами исключительности, можно проникнуть в суть исторического развития, приведшего к нынешнему кризису еврейской общины в США.

В 1783 г. после официального прекращения состояния войны между Великобританией и США, Мордехай Шефтель, сын еврейского переселенца из Европы, житель штата Джорджия и активный участник Войны за независимость, подытожил чувства евреев к Америке в письме к сыну: “Перед нами открылась совершенно новая действительность, и мир сотворен вновь”. Прошло чуть более двухсот лет, и американская исключительность по-прежнему подтверждается; однако есть признаки того, что “новая действительность”, которая предстает перед американскими евреями – и другими родовыми группами – будет иной, и последствия ее будут такими, каких никто не предвидел во времена возникновения США.

ДРЕВНИЙ НАРОД НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

Статуи Свободы еще не было, но Бенджамен Шефтель и 42 его спутника-еврея встретили нечто еще более важное для их будущего, когда их судно приблизилось к берегу американского континента в июле 1733 г. Они почувствовали веяние густых девственных лесов; некоторые из матросов говорили, что они услышали этот густой аромат леса за сто миль от берега.

Шефтель, беженец из Германии, проживавший в Англии, стал главой одной из первых известных еврейских семей штата Джорджия. Он не был учеником Джона

Локка. Он мало знал (если вообще знал) о “правах человека” или о философских концепциях политической свободы. Он не думал о новой нации, которая будет руководствоваться конституцией или биллем о правах. Его не привлекали теоретические построения, и он не размышлял об американской исключительности. Но будучи практиком, он знал (и об этом свидетельствовал аромат огромных нетронутых лесов), что Джорджия – *новая* территория, которая в дальнейшем сулит новые возможности, новые начинания. В 1765 г. Шефтель завершает свое последнее завещание благодарственной молитвой: “Ты, спасший меня, Бог истинный”.⁷

Без всяких теорий Шефтель и другие ранние еврейские иммигранты поняли, что Америка – первая страна из всех, что они видели, где экономического и социального преуспеяния можно достичь собственным трудом, а не благодаря знатным предкам. Более того, они могли предвидеть практические выгоды, которые им сулило этническое разнообразие ранней Америки. К 1790 г. в стране было пять крупных национальных групп и десятки малых. Свыше половины белого населения к югу от Новой Англии было неанглийского происхождения. Единственная из стран мира, молодая Американская республика давала право всем переселенцам на свое гражданство. Для того, чтобы стать американцем, не нужно было обладать правом по признаку родства или крови. Нельзя, конечно, забывать, что на протяжении значительного периода истории США в страну допускались лишь иммигранты из европейских стран, а в течение нескольких десятилетий XX в. даже иммиграция из Европы была резко ограничена. Но в середине века ворота вновь открылись шире, а в последнее время страна начала привлекать весьма многих переселенцев из стран “третьего мира”.

Экономические возможности Америки были главным притягательным моментом для большинства иммигран-

тов, в особенности если учесть многочисленные трудности, которые испытывали на европейском рынке труда люди с низким социальным статусом. Однако возможности новых иммигрантов добиться успеха на рынке труда Америки всегда зависели от состояния экономики страны. Не случайно объем иммиграции обычно соответствовал динамике экономических подъемов и спадов в Америке. Но при всех обстоятельствах иммигранты рассматривали равный доступ на рынок труда как признак свободного общества, ориентированного на личные достижения.

Экономические возможности не были единственным стимулом для иммигрантов. Как подчеркивал де Токвиль, Америка предлагала также необычайный уровень свободы и уважения и для отдельных лиц, и для групп, независимо от их экономических достижений. Мэри Энтин писала о своем отце-иммигранте, прибывшем в США в конце XIX в. следующим образом:

“Верно, что он оставил дом в поисках хлеба насущного для семьи; но он покинул его, благословляя необходимость, погнавшую его в Америку. Свобода нового мира означала для него много больше, чем право жить и работать, где ему нравится; это была также свобода высказывать свои мысли, отвергать темные предрассудки, исповедовать свою веру без политической и религиозной тирании. Он был всего лишь 32-летним молодым человеком, когда он прибыл на американский берег; большую часть жизни его держали в шорах, и он испытывал жажду испробовать неведомое ему ощущение свободного выбора”.⁸

Факторы притяжения и отталкивания, определявшие динамику иммиграции в Америку, менялись в зависимости от обстановки во всем мире и в странах исхода иммигрантов. Иногда иммигранты благословляли экономическую необходимость, которая неизбежно приводила их и к свободе. Иногда главной мотивацией беженцев была религиозная

или политическая свобода. Однако еще чаще оба побудительных мотива неразличимо переплетались друг с другом.

Для евреев, вековых изгоев Европы, и экономические возможности, и гражданские свободы Америки были неразрывно связаны со свободой религии. Религиозная обусловленность евреев, воспринимавшаяся как этническое своеобразие, была в конечном счете постоянной причиной преследований. Однако способность евреев конкурировать на равных и преуспевать на рынке обеспечивала им возможность вливаться в основное русло американской жизни.

ЕВРЕИ В ЭКОНОМИКЕ БРИТАНСКИХ КОЛОНИЙ В АМЕРИКЕ

История членов семьи Шефтель показывает, что происходило с еврейскими переселенцами в американском обществе колониального периода. Бенджамен неплохо преуспел в Джорджии, оставив после себя наследникам дом, землю и другую собственность. Его младший сын Леви в двенадцатилетнем возрасте занял у отца денег для коммерческих операций с оленьей кожей для одежды. В 18 лет Леви на скопленные деньги вступил в долю с мясником-христианином. Он и его брат Мордехай постоянно занимались различными торговыми делами. В одной сделке они обменяли табак, индиго и оленью кожу на тонну различных английских товаров. В разные годы Мордехай держал то склад, то верфь, то лесопилку, то дубильную мастерскую. Одно время Леви владел шхуной для каботажных перевозок грузов. Братья также занимались куплей-продажей земли. Однажды они взяли вторую закладную под один из островов у побережья Джорджии, которым владел Беттон Гвиннет – один из тех, кто впоследствии подписал Декларацию независимости США.

Были также и еврейские ремесленники. Исаак Мозес,

искусный мастер по золоту и серебру, был привезен в 1758 г. из Ганновера и продан как законтрактованный слуга на три года в уплату за провоз. Через год Мордехай Шефтель выкупил его, и он смог заняться своим ремеслом.

Однако гораздо больше еврейских семей в колониях первых десятилетий XVIII в., подобно Шефтелям, занимались торговлей, столь важной для колониальной экономики. В 1730-1770 гг. ввоз и вывоз товаров из Пенсильвании и Нью-Йорка вырос вчетверо. Евреи селились в основном вокруг главных портовых городов – Нью-Йорка, Ньюпорта, Филадельфии, Чарльстона и Саванны.

К моменту прибытия в Америку евреи имели не больше экономических ресурсов, чем прочие иммигранты, однако уникальный исторический опыт сформировал у них специфические черты. В частности, они явно превосходили другие этнорелигиозные группы населения страны по тому качеству, которое называется “тягой к преуспеянию”.

К источникам этой еврейской “тяги к преуспеянию” относят: (1) стремление к образованию, вдохновленное религией; в процессе секуляризации, со времен раннего средневековья, это стремление преобразуется в исключительную тягу к интеллектуальной деятельности; (2) исторически евреи были городскими жителями, что давало им преимущество при занятии торговлей, умственной деятельностью и вообще квалифицированным трудом; (3) более глубокое усвоение традиций и норм поведения среднего класса и большая способность отказаться от сегодняшней выгоды ради существенного успеха в будущем; (4) длительный опыт жизни на обочине общества, научивший евреев формировать новые связи в любой социальной среде.

Новое американское общество, в котором не было аристократии, проявляло больше уважения, чем жители

Старого Света, к коммерческой деятельности, которой занимались в Европе стремившиеся к успеху евреи. Ранние жители Америки сознавали, что стране не хватает людей с торговыми навыками и энергией, необходимыми для развития экономики. Бенджамен Франклин одобрял стремление к успеху через коммерцию; он говорил, что не хотел бы, чтобы его сын Уильям “стал тем, кого называют «Ваше благородие»». Я хотел бы приставить его к какому-либо делу, посредством которого он мог бы, проявив аккуратность и трудолюбие, достигнуть воздержанной и достойной жизни”⁹.

Американский драматург Джозеф Аддисон писал в 1712 г., что евреи “клинья и гвозди большого здания, которые сами по себе невелики, но совершенно необходимы, чтобы весь его корпус не развалился.”¹⁰ Джордж Мейсон говорил, что евреи “не только заметны своим знанием рынка и коммерции, но и своим трудолюбием, предприимчивостью и честностью”.¹¹ Стремления и способности европейских евреев и потребности становящейся на ноги буржуазной Америки отлично соответствовали друг другу. Однако взаимоотношения между еврейскими переселенцами и американским обществом менялись с каждым поворотом истории страны.

Евреи в Америке проявили себя исключительно успешно, так как еврейские черты характера и ценности, включая и тягу к преуспеянию, были вполне созвучны общей культуре страны. Еврейские обычаи весьма подходили к той модели общества, которую определили еще первые протестантские колонисты Новой Англии. В 20-е гг. нашего века социолог Роберт Парк предлагал ввести пре-

** 1725-1792; идеолог республиканизма джефферсоновского толка, автор конституции штата Вирджиния и его знаменитого раздела о гражданских правах, ставшего прообразом т.н. Билля о правах, т.е. первых десяти поправок к конституции США, борец с работоторговлей. – Ред.*

подавание еврейской истории и культуры во всех школах США, чтобы и другие американцы могли понять, что такое Америка. Парк доказывал, что евреи – это сущность Америки¹².

К тому же выводу приводит анализ связей между протестантской этикой и духом капитализма в Америке, который провел Макс Вебер. В своей классической работе по этому вопросу Вебер, объясняя экономические успехи США, подчеркивает, что пуритане – христиане Ветхого завета – принесли с собой в страну ценности своей религии – рационализм, трудолюбие, бережливость и стремление к преуспеянию. “Дух капитализма, – писал он, – существовал [в Америке] еще до установления капитализма”.¹³ Вебер отмечал, что “пуританизм всегда ощущал свое внутреннее сходство с иудаизмом... Евреи, которых сначала тепло приняли пуританские нации, в особенности американцы..., были встречены ими с самого начала без каких-либо предубеждений, и даже сегодня их принимают с готовностью”.¹⁴

Основные приводимые Вебером образчики светского капиталистического духа были взяты им из работ Бенджамена Франклина¹⁵. Вебер приводит обширные цитаты из этих работ, рассматривая их как ранние примеры тех ценностей, которые сыграли главную роль в процессе возникновения индустриальной рыночной системы. Американские ценности в понимании Франклина нашли восторженных почитателей среди восточноевропейских евреев, для которых эти ценности представлялись созвучными их религиозным верованиям и их светской культуре. Труды Франклина были переведены на идиш около 1800 г., и уже вскоре молодые евреи в русской части Польши внимательно читали их и даже обсуждали на талмудический манер после окончания ежедневных занятий в религиозных школах (ешиботах).¹⁶

ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ ВРЕМЕН ЭКСПАНСИИ НА ЗАПАД

Первая волна массовой еврейской иммиграции в Америку началась в 30-е гг. XIX века с ухудшением положения евреев в Германии. Правительства германских государств продолжали подавлять права евреев, антиеврейские беспорядки прокатились по улицам многих городов, перспективы для евреев ухудшились. В ряде мест был введен “еврейский сбор”, которым облагались евреи, желавшие приехать в какой-либо город или выехать из него, что подрывало благосостояние евреев. В ответ на это группа германских евреев писала Мордехаю Ноаху – крупному еврейскому политическому руководителю, что “лучшая часть европейского еврейства смотрит с жадной и надеждой на Соединенные Штаты Северной Америки и будет счастлива вновь сменить бедственное положение на родной земле на общественные свободы”.¹⁷

Между 1820 и 1860 гг. еврейское население США выросло в девять раз – примерно до 150 тысяч человек. Большинство евреев прибывало с весьма малыми средствами; методами накопления капитала была торговля вразнос и пограничный товарообмен. Их предшественники – еврейские иммигранты колониальной эпохи селились главным образом в немногих крупных городах новой страны; ранние иммигранты из Германии предпочитали расселяться вдоль границы.

Большая часть Америки и была в буквальном смысле пограничьем – страна быстро расширялась в западном направлении, шло бурное и почти не контролируемое государством экономическое развитие новых территорий, ощущалась острая потребность в развитии новых торговых связей. Расширение американских границ всегда предоставляло новые экономические возможности. В архивах фирмы Коэн и Исаак (Ричмонд, штат Вирджиния) хра-

нится расписка от Дэниэля Буна на смеси искаженного английского и идиша за шесть фунтов, уплаченных за продажу 10 тысяч акров только что размеченной топографами земли в штате Кентукки¹⁸. К тому же отдаленные поселения вдоль уходящей на запад границы и могли снабжаться всем необходимым лишь благодаря торговцам-разносчикам.

Не евреи создали пограничную передвижную торговлю – это было старым занятием янки. Иммигрант нееврей Джон Джейкоб Астор еще в 80-е гг. XVIII века продавал индейцам пряники, чай и галантерею, сколотив на этом целое состояние. Но с увеличением числа инициативных немецких евреев торговля вразнос становится преимущественно еврейским занятием. Например в Истоне, штат Пенсильвания, в 1855 г. более 60% евреев, имеющих занятия, были торговцами вразнос.¹⁹

Бенджамен Блумингдейл и Адам Гимбель иммигрировали из Германии в начале XIX в. Блумингдейл начал свой путь, торгуя вразнос самыми разными товарами по всему Канзасу и Великой равнине. Гимбель начал торговать вдоль по реке Миссисипи, бродя с брезентовым мешком и ружьем; затем он открыл бакалейную лавку на берегу реки Уобаш в штате Индиана. К концу жизни они были владельцами империи универсальных магазинов, и их имена стали символом коммерческого успеха.

Большинство еврейских торговцев не были столь удачливы как Гимбель и Блумингдейл. Пограничная торговля была делом трудным и опасным. О Луисе Натане, Генри Леви и Исааке Гольдштейне известно, что они были оскальпированы индейцами. В дневнике Зигманса Шлезингера рассказывается о столкновении его отряда с 700 сиуксами и уейеннами, которое увенчалось тем, что он “оскальпировал трех индейцев”.²⁰ Адольфа Кона захватили в плен апачи, затем они продали его команчам, с которыми он скитался по дорогам войны почти два года.

Но и без таких крайностей жизнь странствующего торговца была тяжелой: зачастую он оставался без всякой прибыли. Рабби Исаак Мейер Уайз цитирует рассказ некоего Штейна (конец XIX в.) о жизни такого торговца:

“Наш народ в этой стране можно разделить на следующие классы: 1) коробейник, всегда без языка и без надежды; 2) лоточник со слабым знанием английского и надеждами на лучшее будущее; 3) мешочник, который таскает на спине 45-70 килограммов товара и утешается мыслью, что когда-нибудь станет бизнесменом. Кроме них есть аристократия, которая может быть разделена на три класса: 1) барон с кибиткой, передвигающийся по всей стране имея в упряжке одну-две лошади; 2) граф-ювелир, который таскает в небольшом коробе запас часов и драгоценностей и даже теперь считается богачом; 3) князь-лавочник, который владеет лавкой и продает в ней товары”.²¹

Из 20 тысяч странствующих торговцев в Америке накануне Гражданской войны большинство были немецкими евреями. Немногие из них скопили большие богатства, но большинство было “князьями-лавочниками”, нажившими кое-какое состояние. В американский фольклор вошел ответ странствующего торговца на вопрос, почему он открыл лавку именно здесь: “Потому что здесь у меня пала лошадь”.

Экономика изменялась, промышленность расцветала, границы стабилизировались; то же происходило с экономическим положением евреев. Например, в Олбэни, штат Нью-Йорк, в 1842-1850 гг. более половины всех имевших лицензию торговцев вразнос были евреями. Но к 1870 г. их доля снижается до 10%: странствующие еврейские торговцы и их потомки становятся оседлыми коммерсантами, а иногда и квалифицированными работниками²².

Однако в крупные новые промышленные фирмы евреи проникали не столь легко. В 70-е гг. XIX в. все сто ведущих фирм в области текстиля, железных дорог принад-

лежали протестантам.²³ И все же евреи пробились в сферу финансов и в горнодобывающую промышленность. Джозеф Зелигман (впоследствии – первый состоятельный еврей, которому откровенно отказали в пребывании на модном курорте) в 1830-е гг. начал с бакалейных лавок и магазинов готового платья в Пенсильвании и Алабаме, а затем создал один из ведущих банкирских домов в Америке с отделениями в Европе.

Братья Джозеф и Иммануэль Розенвальд также стали богатыми банкирами и торговцами. На пути к успеху они совершили немало караванных рейсов с Востока в Калифорнию, которые иногда не обходились без приключений:

“Мы купили в Техасе две полностью снаряженных воловьих упряжки с кибитками и одну упряжку с мулом, а также достаточное количество бакалей и пошли вниз по реке Арканзас, где в [штате Колорадо] строился в то время Форт Уайз. Джо правил одной повозкой, а я – другой... Оттуда мы привезли остаток товара в Пайкс Пик. По пути за нами следовал отряд индейцев... Но мы от них ушли. Все оставшиеся товары мы обменяли на картофель, привезли его в Денвер, продали, а закончив распродажу, продали также воловьих упряжки и с упряжкой с мулом направились в Вайандот, штат Канзас”.²⁴

Генри Леман, странствующий торговец из Алабамы, создал одну из крупнейших инвестиционных фирм страны. Братья Гуттенхейм создали горнодобывающую компанию в штате Колорадо. В Калифорнии Энтони Целлербах и его братья создали империю по производству целлюлозы и бумаги, а Исаак Фридлендер через двадцать лет после приезда в штат сосредоточил в своих руках три четверти всего вывоза калифорнийской пшеницы.

В своей хронике деловой жизни за 1864 г. газета “Телеграф” города Солт-Лейк Сити отмечала только еврейские имена: “Семья Рансаховых ожидает богатый и разнообразный завоз товаров. Новая фирма Зигель и Ко. уже до-

стала аванс и открывает оптовую торговлю. Поскольку Боденберг и Кан... прибыли с огромными партиями товара, мы почти наверняка сможем продержаться какое-то время”.²⁵ По всей стране, от банкира до “князя-лавочника”, в малых и больших городах, еврейские иммигранты, в большинстве (но не все) немецкого происхождения, достигли за полвека беспрецедентных коммерческих успехов и построили широко разветвленную сеть влияния.

Политики заметили это. Участвуя в закладке новой синагоги в Олбэни, мэр города сказал: “Налоговые ведомости показывают, что ваш народ несет весьма значительную долю бремени общественных затрат. Я оцениваю подлежащую обложению собственность города Олбэни в 670 долларов на каждого жителя, тогда как подлежащая обложению собственность, принадлежащая вашему народу, составляет 1323 доллара на каждого мужчину, женщину и ребенка еврейской общины”.²⁶

Американские официальные лица и пресса постоянно отмечали влияние евреев на экономическое развитие страны. Так, в 1872 г. самая тиражная газета Филадельфии “Ивнинг стандарт” писала:

“Где бы ни возникал шанс для предприимчивости и энергии, там можно найти еврея. Идите в любую страну и в любой город, и вы встретите его. В нашей стране он крепко укоренился. Важные его достоинства и способности сделали Америку его главным домом. И американцы должны радоваться, что дело обстоит именно так, ибо еврей-гражданин достоин высокого уважения. В любую общину он несет благосостояние и те качества, которые материально помогают укрепить общину и сделать ее устойчивой... Он сам заботится о себе и о своем доме... Он трезв и трудолюбив”.²⁷

Антисемитизм существовал и подчас он препятствовал еврейскому преуспеянию. В 1850-е гг. некоторые страховые компании предостерегали против страхования

странствующих торговцев и евреев, что было в то время почти синонимом. Сразу после Гражданской войны решение некоторых страховых компаний отказывать в продаже полисов евреям вызвало митинги протеста и бойкот со стороны еврейской общины. Компания “Дан и Ко.” была склонна приписывать евреям низкий кредитный рейтинг, если контролер компании не определит, что данный бизнесмен – “белый еврей” или “иудей высшего класса”. Общество открыто противилось этим предрассудкам. В 1867 г. одна филаделфийская газета писала в редакционной статье, что подобная дискриминационная практика безосновательна, разделяет общество и “противоречит интересам страны” и осуждала “самым решительным образом оскорбительные действия некоторых нью-йоркских страховых компаний”.²⁸

Впрочем, в то время экономический антисемитизм не имел особого распространения, так как человека оценивали не по этническому происхождению, а по личным достижениям. Исидор Штраусс, отец которого был странствующим торговцем в Джорджии, а затем основал торговый дом “Мэйсис”, писал, что один из кредиторов видел в его отце “образец истинной порядочности, что было совершенно несовместимо с его (кредитора) предрассудками”.²⁹

ЕВРЕИ И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ АМЕРИКИ

С прибытием массы евреев из Восточной Европы, с прекращением экспансии на Запад и наступлением эпохи индустриализации положение американских евреев заметно изменилось. Когда Якоб (Джейкоб) Г. Шифф, сын одного из брокеров Ротшильда, прибыл в 1865 году в Америку из Германии, он вступил в процветающую немецко-еврейскую брокерскую фирму в Нью-Йорке. Когда через два десятилетия, в 1887 г., Мориц Хилкович прибыл из

Восточной Европы, он работал на пришивании манжет в нью-йоркской потогонной пошивочной мастерской. Хилкович был одним из полутора миллионов евреев из Восточной Европы (примерно треть еврейского населения этого региона), которые переселились в Америку в 1881 - 1910 гг.

Несмотря на столь большие биографические различия между Хилковичем и Шиффом, их пути могли скреститься в дни “Великого бунта” 1910 года – исторического столкновения между еврейскими рабочими и владельцами швейных фабрик, в основном также евреев. Но ни отношение этих двух людей к профсоюзному движению, ни их судьбы в Америке не были столь различными, как их имущественное положение. К 1910 г. Мориц Хилкович становится Моррисом Хилквитом – адвокатом, одним из основателей Американской социалистической партии и ярким противником капиталистической системы. Джейкоб Шифф становится одним из самых видных капиталистов страны, банкиром-миллионером, вложившим миллиард долларов в финансирование Пенсильванской железной дороги.

Переселявшиеся из Восточной Европы евреи имели в карманах не больше денег, чем другие иммигранты, но их прошлое было совершенно иным. Поскольку в Европе евреи не имели права заниматься земледелием, из каждых десяти еврейских иммигрантов семеро имели опыт работы в торговле, промышленности или ремесле, в то время как среди других иммигрантов такой опыт имел лишь каждый десятый³⁰. В прежних странах евреи были лавочниками, странствующими торговцами, посредниками в торговле зерном и другими продуктами, иногда владельцами небольших производств, но обычно они находились на обочине социально-экономического развития. С быстрым упадком сельского хозяйства Восточной Европы в конце XIX в. и положение евреев заметно ухудшилось.

В Вильне, культурной столице евреев Восточной Европы, местная газета сообщала, что евреи “живут в бедных лачугах, грязных и плохо проветриваемых... В том же жилище могут обитать четыре, пять, а то и шесть семейств, каждое со множеством малолетних детей... Мясо – невиданная роскошь, даже по субботам. Сегодня вода и хлеб, завтра – хлеб и вода, и так день за днем”.³¹ Причину огромной еврейской эмиграции можно усматривать и в растущей нищете, и в давлении антисемитизма.

Но несмотря на крайнюю нищету, большинство восточноевропейских евреев прибывали в Америку с профессиональными навыками. На пороге XX в. двое из трех евреев-мужчин обладали какой-либо из нескольких десятков профессий, хотя больше всего среди них было портных³². Многие из этих искусных ремесленников в Европе были одновременно и мелкими предпринимателями – владельцами мастерских, мясниками, пекарями, портными. Однако ко времени их прибытия в Америку в индустриальной экономике уже не было места для такого сочетания ремесленных навыков и предпринимательства. Некоторые ремесленники обратились к торговле вразнос, но большинству пришлось искать работу на фабриках.

В 1880-е гг. более половины евреев-бизнесменов были так или иначе вовлечены в швейное дело. Около 95% производителей одежды в Нью-Йорке были евреями³³. Швейная машина, изобретенная незадолго до Гражданской войны, вызвала невиданный рост производства готовой одежды. Это была новая отрасль, в которую устремились еврейские бизнесмены. Объем капиталовложений в швейную промышленность, в которой первоначально господствовали немецкие евреи, вырос в 1880-1900 гг. более, чем втрое³⁴.

Вследствие спроса на те профессии, которыми в основном владели восточноевропейские евреи они начинали

искать работу в швейной промышленности. Был момент, когда более половины жителей еврейского гетто Нью-Йорка, работавших по найму, были заняты в швейном производстве. В 1897 г. около 60% рабочих Нью-Йорка были заняты в производстве готовой одежды и 75% из них были евреями³⁵. Жизнь их была по большей части тяжелой. В 1900 г. средняя заработная плата мужчины – рабочего-швейника составляла 12 долларов в неделю, женщины получали половину этой суммы, а ребенок – половину от оплаты женщины. За эти деньги, которых едва хватало на оплату самого необходимого, швейники обычно работали десять часов в день и шесть дней в неделю в тяжелых условиях. Жилищные условия были не лучше. В Лоуэр-Истсайде (район Нью-Йорка) плотность населения составляла в 1910 году 730 человек на акр (0,4 га); этот показатель был выше только в Бомбее³⁶.

Соответственным было и недовольство жизнью среди иммигрантов. В романе радикала Майкла Голда, описывавшего жизнь гетто, мать героя говорит: “Это хорошая страна, но не для бедняка. Когда Мессия придет в Америку, лучше бы ему приехать на красивом автомобиле с дюжиной слуг. Если он придет на белой лошади, подумают, что это всего лишь еще один бедный иммигрант, и пошлют его мыть посуду в ресторане”.³⁷

Однако для молодежи гетто Лоуэр-Истсайда было качественно отличным от гетто Вильны. Здесь были возможности выбраться наружу. Один из наблюдателей в начале века отмечает: “Я встретил лишь немногих русских евреев, которые считают работу по найму на фабрике своим вечным уделом. Почти все обращают свою энергию на вступление в бизнес или на приобретение образования, которое даст им возможность подготовиться к чему-либо получше, чем доля обычного рабочего. Все больше юношей и девушек, окончивших школы, идут в магазины и конторы, а не в мастерские и на фабрики”.³⁸

Между тем, немецкие евреи прошлой иммиграции, как правило, процветали в это время весьма неплохо, даже те из них, кто не имел на родине такого блестящего экономического прошлого, как Джейкоб Шифф. К моменту массового переселения евреев Восточной Европы немецко-еврейские странствующие торговцы по существу исчезли. В 1860-1900 гг. число еврейских фирм, имеющих коммерческий рейтинг, возросло с 374 до 2000.³⁹ К концу этого периода сообщалось, что доля евреев среди миллионеров в два с половиной раза превышает долю евреев в населении; а область их деятельности простирается “от банков до упаковки мяса, от недвижимости до бакалеи, от крепких напитков до хлопка”.⁴⁰

Социальная мобильность немецких евреев была весьма высока, причем достичь благополучия им было проще, чем восточноевропейским евреям. Во-первых, иммигранты из Восточной Европы прибывали массами и скапливались в городах. Когда эта масса начала расселяться, западная граница страны уже была установлена. По-прежнему для деловой инициативы было немало простора, но новые начинания требовали все больших капиталов. Век независимых ремесленников-предпринимателей заканчивался, уступая место эпохе корпораций. Странствующему торговцу легче было стать владельцем лавки, а затем банкиром, чем рабочему стать владельцем фабрики, хотя некоторые восточноевропейские евреи проделали этот путь, в особенности в швейной промышленности.

Самым кратким путем в средний класс для евреев начала века был путь превращения в “человека с профессией” – специалиста. Это было также способом избежать дискриминации в приеме на работу. Образование открывало путь к положению специалиста, к работе “белого воротничка”, а евреям было не привыкать к упорной учебе. Другие американцы замечали эту особую тягу к образованию среди молодых еврейских иммигрантов. Нью-

Йоркская “Ивнинг пост” писала (3 октября 1903 г.), что в публичной библиотеке “в отделении на Четэм-сквер нередко можно наблюдать очередь детей, растянувшуюся на два лестничных пролета... Еврейские дети жаждут духовной пищи, у них настоящая интеллектуальная мания... Ни у одного народа нет такого пристрастия к серьезному чтению”.

Интеллектуальную одержимость молодых еврейских иммигрантов нередко приписывают тому, что евреи издавна были “народом Книги”. Речь идет, разумеется, об изучении Библии и раввинских комментариев, чем традиционно занимались многие евреи. Принятый метод учебы – индивидуальное чтение с последующим обсуждением – поддерживал высокий уровень грамотности, хотя интеллектуальный поиск был ограничен рамками религиозных текстов. В период Просвещения* привычка к чтению и склонность к дискуссиям быстро распространились на светские темы. Хотя стремление к образованию часто имело религиозную мотивацию, многие евреи осознавали, что лишь образование позволит им добиться более высокого социального статуса. В 1908 г. обследование 77 высших учебных заведений показало, что 8% студентов были евреями, тогда как доля евреев в населении составляла менее 2%. Большинство евреев-студентов готовились стать фармацевтами, юристами, дантистами и учителями.⁴¹ В 1890-е гг. русский журналист, изучавший судьбы русских евреев в Америке, обнаружил лишь несколько десятков русских евреев, работавших в области медицины и права, и почти никого – среди учителей. Но к первому десятилетию XX века в Нью-Йорке было 400-600 русско-еврейских врачей, несколько тысяч работников просвещения и представителей других “интеллигентных” профессий⁴². К

* [Гаскала – Просвещение) движение за светское образование, начавшееся среди еврейской интеллигенции Германии и Восточной Европы в 30-е гг. прошлого века.– Ред.

1930 г. в Нью-Йорке, где евреи составляли четверть населения, на их долю приходилось 55% врачей, 64% дантистов и 65% юристов – и все это благодаря высокому уровню образования⁴³.

Один американец итальянского происхождения с некоторой грустью писал о типичном итальянском иммигранте, отличающемся от иммигранта-еврея по опыту и традициям: “Он еще не изучил урока, который мог бы хорошо преподать ему американский еврей: в Америке сын необразованных родителей не только имеет право, но и обязан подняться на высшую ступень образования, и тем добиться успеха, которого не смог добиться его необразованный отец”⁴⁴.

Именно в рабочем движении тяга к преуспеянию проявилась наиболее драматично. В конце 1909 г. 20 тысяч рабочих швейной промышленности, главным образом еврейских женщин, начали то, что впоследствии получило название Великого бунта. По многим предприятиям отрасли прошла волна столкновений и вспышек насилия. В сентябре 1910 г. между рабочими и предпринимателями был подписан “протокол о мире”, который хоть и не ликвидировал конфликт окончательно, но способствовал переходу организованного рабочего движения на новый уровень. Протокол предусматривал создание рабочей ячейки на каждом предприятии, давал представителю рабочих право голоса при решении проблем предприятия, учреждал комитеты по обсуждению жалоб, советы санитарного контроля и арбитражные советы с участием рабочих и общественности. Рабочее движение перешло на качественно новую ступень, став признанной общественной силой.

Это историческое соглашение было подготовлено Луисом Брандейсом, в те времена – юристом из Бостона, и поддержано Джейкобом Шиффом. Оба объединились отчасти потому, что евреи “верхнего города” были обеспо-

коены впечатлением от публичного конфликта между еврейскими рабочими и еврейскими фабрикантами. Кроме того, Шифф и Брандейс были людьми умеренных взглядов и темперамента и испытывали неприязнь к классовой борьбе, свойственную среднему классу. Шифф и прежде поддерживал идею мирных коллективных договоров.

Многие евреи в рабочем движении исповедовали тягу к умеренности, хотя из восточноевропейской среды вышел целый ряд легендарных еврейских радикалов – социалистов и анархистов всякого толка. Именно такие иммигранты играли ведущую роль в интеллектуальной жизни Лоуэр-Истсайда, активно участвуя в рабочих организациях и радикальных движениях. Однако многие из них вступили на путь реформизма. Сам Моррис Хилквит, представитель профсоюзов в “протоколе о мире”, окончив вечернюю школу, возвысился от рабочего-швейника без гроша за душой до преуспевающего адвоката и переехал из Лоуэр-Истсайда на аристократическую улицу Риверсайд-Драйв. Уильям Хейвуд, лидер радикальной организации “Индустриальные рабочие мира”, осуждал “буржуазные” черты характера у многих нью-йоркских социалистов, говоря, что “они чувствуют себя страшно польщенными, когда их приглашают, как это недавно случилось с Моррисом Хилквитом, распивать розовые чаи в особняках на Пятой авеню”⁴⁵.

Хилквит оставил идею ожесточенной классовой борьбы и стал эволюционным социалистом, постепенцем. Неясно, было ли это личное перерождение следствием его собственного успеха, как об этом говорили его более радикальные противники, но во всяком случае это в какой-то мере было связано с “тягой к преуспеянию” у еврейских рабочих, с которыми он соприкасался. Однажды Хилквит пожаловался, что хотя еврейские рабочие объединяются в час кризиса, в нормальной обстановке организовать их трудно. Они больше заинтересованы в том, чтобы

побольше заработать на сдельщине, чем в сокращении рабочего дня или в повышении расценок. В выпущенной для иммигрантов книге об Америке говорилось, что “бедный еврей зарабатывает 50 центов в день, 10 центов тратит на кофе и баранки и 40 центов откладывает”.⁴⁶ В 1893 г. Джейкоб Рис отмечал: “Вновь и вновь встречаю я польских и русских евреев, которые сознательно экономят на еде до полного физического истощения и работают день и ночь с большим напряжением, чтобы отложить немного денег”.⁴⁷

Они хотели откладывать деньги, чтобы вытациить свои семьи из потогонных мастерских и подняться до уровня среднего класса. Временами еврейские рабочие организовывались и ожесточенно боролись против угнетения на предприятиях, но они не были отрядом революционного пролетариата. Несмотря на драматизм своей борьбы, они даже не стали основой для сколько-нибудь устойчивого профсоюзного движения. Вследствие сильного стремления еврейских трудящихся к преуспеянию еврейское рабочее движение оказалось феноменом по существу лишь одного поколения. Как отметил историк Генри Л. Фэйнгольд, “еврейский рабочий не был сыном рабочего и не хотел, чтобы его сын стал рабочим. Желание повысить свой социальный статус побуждало его лишь больше зарабатывать”.⁴⁸

Но, как и в прежние дни, более высокие заработки были лишь одной из целей еврейского среднего класса. В Америке термин “средний класс” обозначал как определенный уровень благосостояния, так и социальный статус, причем и того, и другого (теоретически) можно было достигнуть упорным трудом. Как отмечала в 1756 г. газета “Пенсильвания джорнэл”, “право на достойное отношение со стороны самого великого” было правом среднего класса⁴⁹.

Все занятия в сфере умственного труда обычно счи-

таются занятиями среднего класса, хотя какая-то часть их оплачивается не выше, чем многие физические работы.⁵⁰ Вследствие такой концепции социального статуса опережающий рост численности служащих и квалифицированных специалистов в американской экономике вызвал общее движение вверх по социальной лестнице. В 1870-1940 гг. при трехкратном росте населения численность технических и управленческих служащих и квалифицированных специалистов увеличилась в 13 раз.⁵¹ В 1900-1940 гг. доля конторских служащих в общей численности рабочей силы возросла более чем на 300%, тогда как население увеличилось на 75%, а численность работников физического труда по существу не изменилась.⁵²

У многих рабочих – еврейских и других – глубокий кризис 1930-х гг. вызвал радикализацию настроений; острота конфронтации между трудом и капиталом усилилась. И все же молодые евреи смогли существенно расширить свою нишу в секторе экономики, предназначенном для среднего класса. В 1935 году в Нью-Йорке из каждых десяти молодых людей только трое были евреями; но евреями были шесть из каждых десяти молодых домовладельцев, руководителей и чиновников, и около четырех из десяти квалифицированных специалистов, конторских служащих и продавцов.⁵³

ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Расширение системы высшего образования и развитие специализированных отраслей экономики после Второй мировой войны открыло перед американскими евреями широчайшие перспективы в области права, медицины, научных исследований, университетского преподавания, операций с недвижимостью, государственной службы, а также работы в корпорациях. Некоторые области традиционного еврейского предпринимательства, вроде роз-

ничной торговли утратили свое значение по мере того, как снимались дискриминационные барьеры и евреи устремлялись в перечисленные выше профессиональные области. Перед Второй мировой войной еврейский комический актер мог вызвать громкий хохот, сказав, что некий “Ирвинг Шапиро” может стать президентом “Дюпон де Немур” – компании, чье аристократическое название и экономическая мощь представлялись недостижимыми для детей евреев-иммигрантов. Но именно так и случилось в 1973 г., когда сын иммигранта – гладильщика брюк, активно демонстрировавший свою принадлежность к еврейству, стал главой этой компании. Позднее Шапиро был избран председателем “Делового круглого стола” – наиболее престижного в стране клуба глав корпораций.

Возвышение Ирвинга Шапиро не было отдельным эпизодом. Данные переписей населения и выборочных обследований показывают, что евреи достигли более высокого уровня образования, социального положения и доходов, чем все прочие группы населения. Общенациональное обследование евреев и неевреев, завершенное в апреле 1988 г. Стивенем М. Коэном для Американского еврейского комитета показало, что душевой доход евреев почти вдвое выше, чем у неевреев. О доходе на семью свыше 50 тысяч долларов в год сообщили вдвое больше евреев, чем белых неевреев, тогда как о доходе менее 20 тысяч долларов сообщили вдвое больше неевреев, чем евреев.⁵⁴

Список 400 богатейших американцев, опубликованный в 1982 г. журналом “Форбс мэгэзин”, показал, что из 40 богатейших 16 (40%) были евреями, а из всего списка – 23%.⁵⁵ Они достигли высокого положения в мире банков и корпораций. В 1986 г. на долю евреев, составлявших менее 3% населения США, приходилось 7,4% высших руководителей крупнейших фирм страны и 13% руководителей в возрасте до 40 лет⁵⁶. Данные, собранные по десяти главным секторам деятельности для “Исследо-

вания американских лидеров”, показали, что евреи составили 11% всей выборки (при доле в населении, как уже было сказано, лишь 3%). Ни одна другая группа населения не достигла столь высоких показателей.⁵⁷

Анализ списков тех, кто был включен в справочник “Кто есть кто в Америке”, показывает, что в середине 1970-х гг. более 8% из них были евреями по сравнению с 2% в 1944-1945 гг. С начала 1920-х гг. доля евреев в “Кто есть кто...” превышала их долю в населении в большей степени, чем у всех других американских этнических групп, кроме американцев английского происхождения. Но к середине 1970-х гг. это превышение у евреев стало больше, чем у англосаксов. В течение трех последних десятилетий евреи составили 50% из 200 наиболее видных представителей американской интеллигенции, 40% американцев – лауреатов Нобелевской премии в естественных науках и экономике, 20% профессоров ведущих университетов, 21% государственных служащих высшего уровня, 40% владельцев виднейших юридических фирм Нью-Йорка и Вашингтона, 26% репортеров, редакторов и руководителей средств массовой информации, 59% режиссеров, сценаристов и продюсеров пятидесяти самых кассовых кинофильмов 1965-1982 гг., 58% режиссеров, сценаристов и продюсеров самых популярных телевизионных программ⁵⁸.

Эти цифры ярко показывают положение евреев в американском плавильном котле, причем не только их материальное преуспевание, но и высокую степень их интеграции в американское общество. Диспропорция становится менее заметной при сопоставлении преуспевающих евреев с неевреями, имеющими тот же уровень образования (среди евреев доля учащихся в университетах вдвое выше, чем среди неевреев). Однако эти цифры точно характеризуют главное – отсутствие дискриминации евреев в образовании и экономике, обеспечивающее успешную интеграцию евреев.

Элитные университеты открывают золотой мост к экономическому преуспеянию. Менее полувека назад приток евреев (как студентов, так и преподавателей) в эти престижные учебные заведения был резко ограничен квотами. В начале 90-х гг. 87% американских евреев студенческого возраста учились в высших учебных заведениях, по сравнению с 40% всех американцев этого возраста. И подобно преподавателям-евреям студенты-евреи в основном сосредоточены в лучших учебных заведениях. Обследование студентов младших курсов, проведенное Американским советом по образованию, показало, что студенты из еврейских семей имеют значительно более высокие отметки в колледже, чем их нееврейские сверстники, и это в добавление к тому, что среди евреев значительно большая доля учится в колледжах, чем среди неевреев. Кроме того евреи, по-видимому, значительно лучше учатся и в университетах, они значительно чаще остальных избираются в престижную студенческую корпорацию “Фи-Бета-Каппа”.⁵⁹

Подводя итоги, можно сказать, что потомки немецких евреев, иммигрировавших в середине прошлого века, и потомки восточноевропейских евреев, иммигрировавших позднее, смогли стать наиболее образованной, наиболее влившейся в средний класс и наиболее состоятельной этнорелигиозной группой в стране. Ни одна другая группа иммигрантов не продемонстрировала столь быстрых и ярких успехов⁶⁰.

Приведенные данные показывают такой уровень экономического преуспеяния, о котором не могли и мечтать даже самые восторженные отдыхающие в Кэтскилле начала XX века, описанные Абрахамом Каханом. Нередко евреи остерегаются привлекать внимание к своему финансовому положению, чтобы не провоцировать антисемитов. Однако в Америке экономические достижения евреев идут рука об руку с их глубокой интеграцией в

общество⁶¹. Чем объясняется столь благоприятное сочетание? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к идеям общеамериканского религиозного опыта, и в особенности к разнообразию и открытости, характеризующим американское общество на протяжении всей его истории.

РАЗМЫВАНИЕ ПЛЕМЕННОГО САМОСОЗНАНИЯ

Агнес Келли, иммигрантка из Ирландии, в письме своей семье, отправленном в 70-е годы прошлого века, так радужно описывала свой американский опыт: “Когда мы покинули [Ирландию], мы оставили Старый Свет позади; теперь мы во всем американские граждане, и мы гордимся этим”. Другая иммигрантка, Джейн Кроу, писала: “Теперь это наш дом”. В то же время другие иммигранты высказывались и об оборотной стороне жизни в Америке. Еще один американец из Ирландии пишет в 1872 г: “Как мы сохраним нашу самобытность? Как мы можем сохранить нашу веру и национальность на протяжении поколений?”⁶²

В начале века У. Дюбуа писал о “двух противоречивых стремлениях” и о “двойственном сознании” американских негров. Афроамериканцы – особая страница нашей национальной истории, но те же понятия применимы к большинству иммигрантских групп и к “коренным американцам” (индейцам – Ред.). Два противоречивых стремления были характерны для всех этнических групп: желание сохранить ощущение групповой общности и одновременно – желание интегрироваться в главное русло американской жизни.

Несмотря на попытки отдельных племенных групп сохранить себя путем самоизоляции (такие попытки ведут к негативным последствиям и в принципе обречены на неудачу), а также на проявление нетерпимости к чужакам в американском обществе, эти группы неизбежно утрачи-

вают свою обособленность. Новая волна нетерпимости выглядит маловероятной, да и сами меньшинства осознают бесперспективность “культурного сепаратизма”. Лишь выходцы из черной Африки, отличающиеся от остальных американцев цветом кожи, не могут или не хотят принять идею “плавильного котла”; но и для них ситуация существенно изменилась. Многие негры, вспоминая историю своего угнетения белыми, настроены в пользу самоизоляции. И многие белые, хоть они и одобряют равноправие в области образования и принцип равенства экономических возможностей, обеспокоены воинственной идеологией некоторых негритянских общественных деятелей, а также социальными недугами черных гетто, о которых постоянно сообщают средства массовой информации. Они убеждены, что большинство негров ведет жалкое существование, что приводит к высокому уровню преступности и наркомании, снижает стремление к образованию и к другим ценностям среднего класса и усиливает ненависть к белым⁶³. Отсюда порочный круг взаимной подозрительности и страха, который удерживает негров на большем, по сравнению с другими племенными группами, расстоянии от основного русла американской общественной жизни.

Евреи, напротив, дают нам самый яркий пример племенной дилеммы, поскольку их иммиграция в Америку была мотивирована долгой историей гнета, которому они подвергались за пределами США, а также потому, что в Новом Свете они добились индивидуального признания и успеха. Но хотя евреи и далее будут играть заметную роль во всех сферах американской жизни, численность еврейской общины в стране будет сокращаться, несмотря на присущую евреям тенденцию к сплоченности на основе общей исторической памяти. Если американское общество будет и далее ориентироваться на интеграцию, то потомки евреев из Восточной Европы повторят судьбу

своих единоверцев германского происхождения, численность которых резко сократилась в результате ассимиляции и смешанных браков.

Маршалл Скляр, старейшина американской еврейской социологии, озаглавил свою вышедшую в 1976 г. книгу “Американское еврейство: постоянно умирающий народ”, сознательно перефразировав название очерка Саймона Равидовича “Израиль – вечно умирающий народ”.⁶⁴ И Равидович и Скляр отмечают, что “евреи отличаются от прочих этнических групп тем, что всегда считают себя умирающим народом”.⁶⁵ При этом гибель от рук врагов-антисемитов не так страшна для них, как исчезновение в результате ассимиляции. Эта забота о культурной преемственности уже четверть века назад побудила Совет еврейских федераций и другие еврейские организации выделить средства на проведение научных исследований и социологических опросов относительно еврейской жизни в Америке; эти исследования продолжают по сей день.

Для других иммигрантских групп европейского происхождения племенная сплоченность осталась в прошлом. Психологическое противоречие, о котором писал Дюбуа, нашло свое разрешение таким образом, что интеграция по существу вытеснила групповое самосознание. Но если этническое самоотождествление для большей части населения размыто, как объяснить тот факт, что при переписи населения 1990 г. 90% американцев указали хотя бы часть своих этнических корней? Перепись выявила 21 этническую группу европейского происхождения численностью свыше миллиона человек каждая. Около 58 миллионов американцев обозначили свое германское происхождение, 39 миллионов – ирландское, 33 миллиона – английское, 15 миллионов – итальянское, 10 миллионов – французское, 9 миллионов – польское и т.д.⁶⁶

Тот факт, что столь многие американцы европейского происхождения по-прежнему вполне осознают свои нацио-

нальные корни, требует пересмотра наших представлений о размывании этнического самосознания. Однако существует принципиальное различие между иммигрантской группой и племенной общностью. Среди эмигрантских групп распространена ностальгия, а также остаточные следы того, что Герберт Генс назвал “символической этничностью” – от знания родного языка до пристрастия к национальной кухне. На основе глубокого изучения одной крупной урбанизированной территории со смешанным населением итало-американский социолог Ричард Альба пришел к выводу, что несмотря на эти символы “для подавляющего большинства американского белого населения этнический пласт в сознании весьма поверхностен”.⁶⁷

Именно поверхностность качественно отделяет размывающуюся иммигрантскую группу от устойчивой этнической общности. В иммигрантской группе все больше исчезают групповая солидарность, общая цель, приверженность общим ценностям и даже культурное сходство. С группой как с особой единицей все меньше считаются в обществе, и ее члены утрачивают ощущение групповой принадлежности. Остаточное групповое самосознание может сохраняться на протяжении поколений. Так, некоторых избирателей может привлечь кандидат на политическую должность только в силу этнического звучания своей фамилии. Но в целом группа не имеет общих интересов и не выступает самостоятельно на политической арене.

Исследуя европейские по происхождению группы, Ричард Альба обнаружил, что “этническое самосознание связано в умах многих с историей семьи. Для многих белых этническая принадлежность неотделима от представления о семье, тогда как более широкая социальная общность в лучшем случае лишь туманно просматривается”.⁶⁸ Сами семейные связи становятся постепенно частью традиции, но и эта тенденция угасает с развитием смешанных браков. Используя данные переписи 1980 г., Альба обнаружил, что

66% женщин итальянского происхождения старше 65 лет состоят в браке с мужчинами, так же имеющими итальянское происхождение, тогда как среди итало-американок в возрасте до 25 лет этот показатель составил лишь 23%. Такой же возрастной разрыв отмечается среди большинства иммигрантских групп европейского происхождения, в особенности небольших по численности. Несколько меньше он (но постоянно растет) среди многочисленных потомков иммигрантов из Англии, Германии и Ирландии. Так или иначе, ни в одной иммигрантской группе доля этнически однородных браков не превышает 50%.⁶⁹

В 1950-е годы Уилл Херцберг и другие исследователи выдвинули концепцию “тройственного плавильного котла”, согласно которой американизация иммигрантских групп происходит в рамках основных религиозных направлений – протестантизма, католицизма и иудаизма. Однако, теперь все больше размываются и религиозные барьеры. Согласно последним данным, среди молодого поколения американских католиков и евреев доля смешанных браков достигает 50%.⁷⁰

Несмотря на все опровержения и негодования, горькая истина состоит в том, что иммигрантские группы из стран Европы утрачивают этническое своеобразие и перестают выступать как единое целое. Некоторые исследователи полагают, что началось формирование новой общности, которую можно назвать “объединенные белые” или попросту “европейцы”. В настоящее время большинство американских белых имеет самых разных в национальном отношении предков.⁷¹ Их единство возможно лишь в одном аспекте – как оборонительная реакция на давление со стороны групп неевропейского происхождения.

НЕЕВРОПЕЙСКИЕ ОБЩИНЫ

О возможности такой реакции говорит уже тот факт, что к 2050 г. почти половина американского населения

будет неевропейским по происхождению вследствие огромной иммиграции из Латинской Америки и Азии.⁷² В 1993 г. более половины (55%) американцев согласились с утверждением, что “растущее разнообразие, которое эти неевропейские иммигранты приносят в страну, серьезно угрожает американской культуре”.⁷³

Среди разделяющих это опасение есть и те, кто с предубеждением относится ко всем кроме англосаксов, и те, кому не нравятся связанные с эмиграцией социальные перемены, и те, кто считает, что все или почти все племенные особенности должны растворяться в американской культурной среде. Для многих, однако, и в особенности для евреев, опасения вызывает сам по себе культурный плюрализм – ведь евреи в особенности приветствовали бы наличие групп, которые успешно интегрировались в американское общество, сохранив при этом свою специфику. Тревогу порождают только такие политические и культурные тенденции сепаратистского типа, которые могут существенно подорвать интегративную природу американского общества.

Во многих обществах преобладал не интегративный, а “сосуществовательный” плюрализм. Так, в Османской империи существовала так называемая система “миллетов”, в рамках которой многочисленные этнические и религиозные группы имели ту или иную степень самоуправления со своими собственными законами и пользовались своими языками – в общем были социально самодостаточными образованиями. В Канадском Квебеке усиление франко-канадского национализма и квебекского сепаратизма породило тревожные настроения у евреев и других нефранкоязычных групп. Многие представители этих меньшинств переселились в Онтарио и в другие провинции из-за нежелания оставаться в таком сплоченном этническом массиве. Как показывают опросы, квебекцы с их обостренным национальным самосознанием воспринимаются евреями как более склонные к ксенофобии

и антисемитизму, чем англоязычные канадцы. Евреям не раз приходилось жить в условиях “сосуществовательного” плюрализма – например, на Ближнем Востоке под властью турок и (временами) арабов, а также в предвоенных Польше и Литве. При такой системе господствующая нация предоставляет меньшинствам определенную автономию, причем отдельные лица рассматриваются только как члены группы.

Нельзя всерьез полагать, что такого рода плюрализм может существовать в современной Америке. Однако некоторые этнические группы, в особенности латиноамериканцы, азиаты и афроамериканцы быстро увеличивают свою численность, сохраняя при этом высокий уровень группового самосознания и склонность к самоизоляции. Это заставляет опасаться не только роста межэтнической напряженности, но и эрозии столь характерного для Америки примата личности над группой.

Отчасти такое опасение выражается в спорах последних десятилетий относительно квотирования. Большинство американских евреев и еврейских организаций положительно воспринимают принцип предпочтения при приеме на работу и учебу по отношению к представителям групп, подвергавшихся в прошлом дискриминации. Но в то же время они последовательно выступают против системы квот для меньшинств в соответствии с их долей в населении и без учета личных качеств кандидатов на те или иные должности. Даже там, где программы с использованием квот не задевали непосредственно интересов евреев, они противились таким программам на том основании, что в них проявляется тенденция заменить принцип личных достижений принципом групповой принадлежности.

ЛАТИНОАМЕРИКАНЦЫ “ЛАТИНОС”

По данным социологической службы Янкеловича, опубликованным в журнале “Тайм” в 1993 г., почти треть

американцев неблагоприятно относятся к иммиграции из Латинской Америки и Карибского региона. Уровень неприязни к латиноамериканцам выше, чем к прочим иммигрантским группам, – например, по отношению к китайцам враждебно настроены лишь 2% опрошенных.⁷⁴ Такое отношение к иммигрантам из Латинской Америки связано прежде всего с тем, что они представляют собой опасность сепаратизма в связи с их упорством сохранить свой язык и тем, что иммиграция из этого региона имеет самый массовый характер. В 1990 г. в США насчитывалось 20 миллионов “латинос” и предполагается, что к 2025 г. их станет вдвое больше.

Для лучшей оценки положения “латинос” сравним их с другой группой европейского происхождения – американскими итальянцами. Между 1891 г. и началом 1920-х гг., когда иммиграция из Италии была резко ограничена законом, в страну прибыли около четырех миллионов итальянцев. Эти иммигранты воспринимались как бедные и малообразованные. Говоря на иностранном языке и только что прибыв из иной культурной среды, они были загнаны в тесные гетто и подвергались жестокой дискриминации. Однако они испытали воздействие тех же факторов, которые ослабили внутренние связи в других этнических группах Америки: постепенный выход из гетто и интеграция в открытое общество. Итальянские иммигранты первого поколения, будучи типичными бедняками, смогли найти свое место в индустриальной экономике, которая не требовала высокого образовательного уровня. Их дети и внуки, выйдя из гетто, где они выросли, вступили в смешанные браки и влились в главное русло общественной жизни; они утратили свою защитную склонность к обособлению и в целом испытали значительное ослабление осознания своей этнической самобытности.

Психология нынешних иммигрантов совсем иная, чем у их предшественников. Итальянские бедняки подвер-

гались дискриминации и не имели доступа к профессиям, требующим квалификации, еще у себя на родине (особенно на юге Италии). Поэтому они не могли жаловаться на те требования, которые к ним предъявлял американский рынок труда. Теперешние мексиканские иммигранты также не имеют оснований жаловаться на Америку, однако они не желают быть пассивными, подобно прежним итальянским иммигрантам. Они находятся под влиянием политического активизма таких меньшинств, как афроамериканцы и “коренные американцы”, которые в прошлом подвергались дискриминации в Америке.

В духе движения за права черного населения лидеры “латинос” стремятся создать организации и институты для улучшения положения своей группы. Как и “чернокожие” американцы, “латинос” выступают за признание гордости “коричневых”.

Подобные организованные усилия, направленные на развитие этнокультурного самосознания, были по существу недоступны иммигрантам прежних эпох. Нынешние же движения отражают подлинную заботу о сохранении национальной самобытности, хотя требования этих движений отчасти являются попросту механизмами самоорганизации. Усилия лидеров “латинос” нередко направлены на узаконение использования испанского языка, подобно тому, как узаконено использование французского в Квебеке. В районах высокой концентрации испаноязычного населения, таких как юго-запад страны и штат Флорида, некоторые организации “латинос” даже открыли кампанию за признание испанского наряду с английским в качестве официального языка. В Майами, где ныне доминируют кубинские беженцы, официальные вывески и документы даются и по-английски, и по-испански. В 1982 г. мэр Майами заявил в своем городе, что “пройдет десять лет, и здесь не будет звучать ни слова по-английски”.⁷⁵ Его предсказание пока весьма далеко от осуществления.

Для “латинос” американского юго-запада поучителен опыт иммигрантов из Квебека, поселившихся в Новой Англии. Как писал Лэнсинг Ламонт о более чем миллионе выходцев из Квебека, поселившихся к югу от канадско-американской границы, “их лидеры мечтали о еще одной «Новой Франции» – Квебеке, объединившемся с Новой Англией под знаменем католицизма. Это была иллюзия... Американский плавильный котел растопил «французский дух» выходцев из Квебека... Французский стал умирающим языком старшего поколения”.⁷⁶ Географическая близость к родной провинции и франкоязычные приходские школы не сохранили солидарность франко-американцев. Ныне более шести миллионов американцев, говорящих по-английски, ведут свое происхождение из французской Канады. В штате Нью-Хемпшир доля такого населения составляет около трети.

Разумеется, этническая самобытность “латинос” не сотрется столь быстро и подобным же образом; однако опыт прошлого явно показывает, что близость к родным странам не помешает испано-американцам пойти тем же путем, что и большинство американских этнических групп: к добру или к худу, раньше или позже они превратятся в говорящих по-английски и интегрируются в главное русло американской жизни. Если они хотят добиться успеха в обществе высоких технологий, они должны хорошо знать английский язык, и опросы показывают, что большинство из них сознают это.⁷⁷ Калифорния, Флорида и Техас не станут американскими Квебеками.

Термин “латинос” для удобства применяется ко всем испаноязычным группам, социально-экономическое положение которых весьма различно. В 1990 году 19% кубинцев 25 лет и старше имели четыре и более лет обучения в колледже, по сравнению с 10% пуэрториканцев и 6% мексиканцев. Медианный показатель годового дохода для кубинцев составлял 31 тыс. долларов по сравнению с

23 и 18 тыс. для мексиканцев и пуэрториканцев соответственно⁷⁸. Разумеется, многие из кубинцев эмигрировали как беженцы, принадлежащие к среднему классу и не похожие на обнищавших и сравнительно мало образованных мексиканцев и пуэрториканцев. Поэтому Эрл Шоррис отмечает: “Некоторые политические лидеры доказывают, что “латинос” могут объединиться вокруг нескольких проблем: двуязычное образование, право на пособия, помощь новоприбывшим и т.д. Но это иллюзии. Среди тех, кто спорит вокруг проблем образования, есть такие, кто поддерживает сохранение языка, такие, кто склоняется к переходной программе обучения, и такие, кто возражает против всего, что мешает изучению английского языка... Экономические различия вызовут глубокий, подтачивающий силы раскол в общине “латинос”..., [которая затем] будет разделяться все дальше и дальше по своим верованиям, чаяниям и историческому прошлому”.⁷⁹

Однако более всего сохранению испаноамериканцев как особой группы угрожает желание самих “латинос” выйти из гетто и подчиниться силам “плавильного котла”. Как отмечается в одном отчете, «чем больше “латинос” отдаляются от гетто и приближаются к богатым пригородам..., тем чаще они вступают в браки с “англос”, открывают самостоятельные дела, приобщаются к занятиям среднего класса, а в пригородах и в смешанных семьях [испанский] язык умирает». ⁸⁰ В 1987 г. около двух третей испаноамериканцев Нью-Йорка и Лос-Анджелеса заявили, что главной целью двуязычного образования должно быть обеспечение того, чтобы их дети изучили английский язык и не отставали в школах.⁸¹ Согласно исследованию “Рэнд Корпорейшен”, менее половины “латинос” второго поколения вообще пользуются испанским языком. В 1988 г. более половины испаноамериканцев Калифорнии, в основном американских мексиканцев, заявили, что они предпочитают английский в качестве официального

языка штата.⁸² Общенациональный опрос испаноамериканцев 1989-1990 гг. обнаружил, что подавляющее их большинство (92%) соглашались с тем, что “все граждане и жители США должны изучать английский язык”. По опросу 1990 г. 87% “латинос” Хьюстона считало своим долгом изучать английский язык и большинство, как и в Калифорнии, полагали, что английский должен быть официальным языком.⁸³

Некоторые лидеры и организации новых этнических групп по своим политико-идеологическим соображениям проводят сепаратистскую линию, чуждую интегративным устремлениям большинства членов группы. Артур Шлезингер осуждающе заметил о таких лидерах, что “они намного больше преуспели в наговорах на белое большинство, чем в обращении своих избирателей в свою веру”.⁸⁴ Не в силах изменить интегративные настроения большинства “латинос”, они тем не менее используют в своих интересах трудности и разочарования, встречаемые в процессе интеграции и особенно заметные в бедных латиноамериканских районах. Как заметил Питер Скерри, “мексикано-американская политика заиклилась на расовом сознании и отталкивании”. Не культурные ценности и культурные различия поддерживают сепаратистские тенденции среди “латинос”, а защитная реакция, связанная с тревогой за успех интеграции.

Смешанные браки, “столбовая дорога ассимиляции”, – величайшая угроза не только культурной обособленности, но и вообще сохранению группы. Однако их нельзя считать первичным фактором интеграции. Процент смешанных браков растет только с ослаблением основных причин обособленности, – главным образом, со снижением плотности этнического населения в местах его концентрации и с усилением интеграции его на рынке труда и в системе образования. Иногда тот же результат дают и другие факторы, например, неравное соотношение мужчин и женщин в

иммигрантской популяции. Один исследователь обнаружил, что во всех группах ранней иммиграции из Европы, кроме евреев, доля смешанных браков в первом поколении составляла 20%, а к третьему поколению достигла 50%.⁸⁵

У “латинос” и темпы ассимиляции иные, хотя это трудно проследить статистически. Однако обычный интегративный эффект пребывания в американском обществе очевиден и здесь, хотя степень его зависит от характера расселения “латинос” и уровня открытости их общин. Доля смешанных браков в первом поколении пуэрториканцев Большого Нью-Йорка составила в 1970 г. 11%, а среди их детей – 32%.⁸⁶ Среди мексиканских американцев Альбукерке (штат Нью-Мексико) доля смешанных браков в 1940-1955 гг. составляла 13%, а в 1967 г. – 31%.⁸⁷ В 1974 г. тот же показатель в Лос-Анджелесе составлял 34%, а в Сан-Антонио, где окружающее население тогда было менее гостеприимным и где было меньше экономических возможностей для испаноамериканцев, он был вдвое выше.⁸⁸ Одно из обследований обнаружило, что тот же показатель для графства Лос-Анджелес между 1920-ми и 1960-ми гг. удвоился (с 20 до 40%) и что в 1980-е гг. в Калифорнии более половины мексиканских американцев вступали в брак вне испаноязычной общины.⁸⁹ Если оставить в покое цифры, то ясно и так, что с ростом подвижности этносов будущее “латинос” и евреев окажется не таким уж различным.

АМЕРИКАНЦЫ АЗИАТСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Не столь многочисленная, но быстро растущая этническая группа “азиатов” также воспринимается многими как фактор, нарушающий интеграцию американского общества. Тревогу вызывают как темпы их интеграции, так и “экзотичность” их языков и культур. Однако “азиаты” – китайцы, японцы, корейцы, вьетнамцы, филиппинцы,

камбоджийцы, тайландцы и т.д. – еще более резко различаются между собой, чем “латинос”, и по культурному прошлому и по языкам. Есть и еще один интегративный фактор: история и культура прибывших в Америку “азиатов” обусловили их весьма сильную тягу к преуспеянию и желание войти в главное русло американской жизни, что делает их похожими на евреев. В итоге большинство групп азиатского происхождения выбрались из нищеты быстрее, чем “латинос”. В 1990 г. около 40% американских китайцев 25 лет и старше имели не менее 4 курсов колледжа по сравнению с 12% негров, 10% испаноамериканцев и 22% белых.⁹⁰ В 1989 г. средний балл проверочных работ по математике в школах составил для “азиатов” 525, для белых – 491 и для негров – 386.⁹¹ В 1990-е годы в Калифорнийском университете (Беркли) серьезно рассматривался вопрос об установлении квоты для американских китайцев, чтобы они не доминировали среди принимаемых по школьным отметкам (“конкурс аттестатов”) и по отметкам на вступительных экзаменах. В 1993 г. опрос газеты “Лос-Анджелес Таймс” показал, что 83% “азиатов” оценили свои способности добиться желаемого жилья, образования и рабочего места как “хорошие” по сравнению с 77% белых, 55% “латинос” и 33% негров.⁹²

Хотя “азиаты” не белые, по показателям межобщинных браков они сходны с европейскими этническими группами. Доля смешанных браков среди японских иммигрантов оценивалась в 2-5%, для второго поколения – в 5-15%, для третьего поколения – в 30-45%.⁹³ В 1993 г., по сообщению журнала “Тайм”, этот показатель для американских японцев составил 65%. Подобно евреям, они удачно интегрировались в американское общество; к тому же приток иммигрантов из Японии в последние десятилетия незначителен.⁹⁴ Среди китайцев, возможно, в результате массовой иммиграции большего числа брачных партнеров китайского происхождения, доля смешанных браков

росла медленнее – с 10% в 1950-е годы до 18% в 1970-е годы.⁹⁵ Однако в целом в 1992 г. этот показатель по всем “азиатам” составил, по данным Шлезингера, около 50%.⁹⁶

Азиатские этнические черты и самосознание будут размываться менее быстро, нежели у европейцев, не столько вследствие стремления группы к самосохранению, сколько вследствие мощи вековых культурных и общинных институтов. Однако несмотря на культурные различия существует фундаментальное сходство между основными семейными и трудовыми ценностями большинства “азиатов” и основной массы американцев.

“КОРЕННЫЕ АМЕРИКАНЦЫ” (ИНДЕЙЦЫ)

Две племенные группы в США – индейцы и афроамериканцы – отличаются от остальных тем, что они не прибыли сюда как иммигранты, бегущие от тяжелых условий жизни на родине и ищущие перспектив в Новом Свете. Белая Америка сама создала для них трудности, на которые последовала оборонительная реакция с их стороны.

Индейцев насчитывается около двух миллионов человек, из которых более половины живут вне резерваций. По большей части их миграция в города произошла в ходе Второй мировой войны и сразу же после нее, и во многом она была результатом деятельности Бюро по индейским делам по перемещению и интеграции индейцев (1953-1972 гг.).

Хотя условия жизни переселившихся в города индейцев остаются трудными, Бюро продолжает поддерживать интеграцию, и к концу 1980-х годов появились данные, показывающие возможность приобщения индейцев к главному руслу американской жизни. Так к 1990 г. процент поступивших в колледжи почти достиг доли индейцев в населении.⁹⁷ Доля межрасовых браков в городах также была высокой, как всегда находясь в зависимости от концентрации индейского населения. В 1970 г. доля индейцев,

вступавших в смешанные браки, была ниже 10% для живущих в резервациях, около 20% для живущих в городах, расположенных вблизи резерваций, и 45-60% – в отдаленных от них городских центрах, таких как Нью-Йорк, Чикаго и Лос-Анджелес.⁹⁸

И все же племенное самосознание некоторых групп индейцев в обозримом будущем сохранится, причем не столько из-за предрассудков по отношению к ним и защитной реакции самих индейцев, сколько из-за силы традиций и изолированности резерваций.

АФРОАМЕРИКАНЦЫ

Наиболее обособленной группой остаются афроамериканцы. Расизм, культурные и институциональные пережитки рабства и сегрегации способствовали формированию у многих негров более выраженного племенного сепаратизма, чем у “латинос”, “азиатов” и индейцев. Но несмотря на жестокое обращение, которому они подвергались в прошлом, черные американцы были весьма типичной американской группой по ориентации на достижения. Основной целью борьбы было вступление в главное русло американской жизни в качестве равных партнеров. “Интеграция” была главным лозунгом движения за гражданские права негров, развернувшегося в 1960-е годы.

Начиная с 1990-х гг., значительное число афроамериканцев вступает в главное русло жизни страны. Профессиональная мобильность социально ущемленных групп общества обычно зависит от развития экономики. Отчасти по этой причине улучшение положения негров на рынке труда не было равномерным, однако в годы движения за гражданские права прогресс был весьма значительным. В 1950-е годы чуть более одной десятой работающих негров имели профессиональный статус “белых воротничков”. К 1990-м годам доля “белых воротничков” среди

негров достигла 40% (среди белых – 50%). В 1990 годы медианный показатель годового дохода для негритянской супружеской пары составлял чуть менее 40 тыс. долларов, то есть примерно 84% от дохода белой супружеской пары. В 1967 году эта пропорция составляла 60%. Такой прирост весьма значителен, если учесть, что негры лишь недавно были допущены к конкуренции на рынке труда. В 1990 году медианный годовой доход негра-выпускника колледжа составлял 90% дохода белого выпускника.⁹⁹

Отношение к выходцам из негритянского гетто со стороны белых коренным образом изменилось к лучшему. Еще один признак перемен – растущее число негров, получающих выборные должности в районах с явным преобладанием белого населения; один негр-конгрессмен заметил по этому поводу: “Нет нового поколения негров-политиков, есть новое поколение белых избирателей”.¹⁰⁰ В 1985 г., представляя данные о “важных и устойчивых переменах” в отношениях между черными и белыми, известный специалист по опросам общественного мнения Хауард Шуман сказал, что “по одному тому факту, что весьма многие американцы слишком молоды, чтобы помнить состояние межрасовых отношений в 1940-е годы, можно с уверенностью судить о значимости происшедших перемен”.¹⁰¹ Такие реформы, прошедшие в основном мирным путем, не имеют прецедента в истории обществ с дискриминируемыми меньшинствами. Эти реформы пришли поздно и еще далеки от завершения, но они демонстрируют интегративный потенциал американского общества.

Уже на ранних этапах реформ стало очевидным, что одновременно складывается ситуация трагического раздвоения. Если немалая часть афроамериканского населения улучшила свое положение и вступила в ряды среднего класса, то другая значительная его группа еще глубже погрузилась в хаос и безнадежность. Комиссия Кернера по гражданским правам еще в 1960-е годы предупреждала о

возникновении “двух наций” – белой и черной. С 1990-х годов становится еще яснее, что формируются две резко различающиеся категории негритянского населения – добившиеся успеха и остающиеся на дне. В 1988 г. Карл Цинмейстер высказал предположение, что треть афроамериканского населения относится к зажиточной части среднего класса с уровнем доходов выше среднего по стране, а другая треть входит в состав низшей прослойки среднего класса, то есть по крайней мере имеет работу и собственное жилье. Однако есть еще одна треть – те, кто глубоко увяз в жизни гетто и не может выбраться из бедности. Из восьми миллионов человек, относящихся к этой нижней трети, большинство получало государственные льготы, но и из них половина, даже в период процветания, находилась ниже уровня бедности. Четверть этого населения вовлечены в преступную деятельность или страдают от нее, остальные три четверти – в основном неработающие матери-одиночки и их дети.¹⁰²

Разрыв между неграми, имеющими высокие и низкие доходы, становится более резким, чем среди белых.¹⁰³ Уже в 1969 г., отмечая достигнутый прогресс, один из сотрудников Бюро переписи отметил, что “ухудшение обстановки в гетто может отразиться на миграции более преуспевших семей из трущоб; там останутся вдовы, покинутые жены и дети, старики и лица с низким уровнем образования, – то есть те, кто менее всех способен справиться со своими социально-экономическими проблемами”.¹⁰⁴

С тех пор положение ухудшилось еще больше. В 1960-е годы, именно в то время, когда начался значительный рост негритянского среднего класса, начинает рушиться семейная структура афроамериканского населения. В 1950 г. 78% негритянских домохозяйств имели в своем составе супружескую пару, что было близко к соответствующему показателю для белого населения (88%). В 1990 г. лишь 48% негритянских домохозяйств включали

такую пару (у белых – 83%).¹⁰⁵ Доля негритянских детей, родившихся в неполных семьях, возглаголемых матерью-одиночкой, повысилась с 23% в 1960 г. до 62% к концу 1980-х годов.¹⁰⁶ Несомненно, что существует взаимозависимость между семейной структурой и уровнем образования и доходов родителей. В 1988 г. большинство (56%) неполных семей жили в бедности, в то время как среди супружеских пар с детьми этот показатель составлял всего 12,5%.¹⁰⁷

На самом деле, однако, внебрачная рождаемость у негритянского населения растет не так быстро, как может показаться по приведенным выше данным. Кристофер Дженкс подсчитал, что если бы замужние негритянские женщины родили в 1987 г. столько же детей, что и в 1960 г., то доля негритянских младенцев, родившихся у незамужних матерей, выросла бы за эти годы лишь с 23 до 29%. Дело в том, что за этот период уровень рождаемости среди супружеских негритянских пар резко снизился, что также отражается на соотношении между “законными” и “незаконными” детьми.¹⁰⁸

Чувство безысходности, присущее бедным афроамериканцам, несомненно подрывает у них тягу к преуспеянию и стремление к интеграции. По данным доклада, опубликованного в 1986 г. Национальным бюро экономических исследований, почти треть негров-мужчин, живущих в бедных городских районах, считала, что преступная деятельность для них выгоднее работы.¹⁰⁹ На одном симпозиуме Национальной Академии наук отмечалось, что “в 1970-е годы начали резко расходиться условия на полюсах негритянской общины. К началу 1980-х годов негры-мужчины в возрасте от 25 до 34 лет, имеющие образование выше средней школы, зарабатывали 80-85% от уровня заработков соответствующей категории белого населения. Эти мужчины-негры представляли верхнюю треть своей возрастной группы. Нижнюю четверть этой же группы со-

ставляли те, кто не окончил среднюю школу и не мог конкурировать на рынке труда в условиях экономического упадка 1970-х годов. Все больше таких молодых негров вообще выбывают из состава экономически активного населения.¹¹⁰

Итак, не подлежит сомнению, что в последние два-три десятилетия многие афроамериканцы продвинулись вверх по общественной лестнице, и этот процесс происходил непрерывно за исключением периодов экономического спада. Можно считать, что при благоприятных экономических условиях негритянское население будет эволюционировать подобно другим меньшинствам: социальная интеграция, смешанные браки, размывание внутренних этнических связей. При таком развитии событий жители гетто также, по-видимому, будут включаться в главное русло американской жизни, только значительно медленнее. Но было бы серьезной ошибкой упрощать ситуацию. Даже те афроамериканцы, которые ушли из гетто, в значительной степени подвержены воздействию тех необычайно уродливых исторических обстоятельств, которые в прошлом характеризовали отношения белых и черных американцев; эти обстоятельства продолжают поддерживать стереотипы относительно друг друга, существующие у обеих групп.

Обследования в ряде крупных городов показали, что даже самые бедные “латинос” живут в меньшей сегрегации, нежели самые богатые черные. И “латинос” и “азиаты” чаще расселяются смешанно с белыми, а не в “своих” кварталах; для негров дело обстоит не так.¹¹¹ Даже для новых пригородных районов, в которых живут более зажиточные чернокожие, характерна тенденция к сегрегации.

Данные о смешанных браках также отражают эту специфику афроамериканцев. Доля этих браков растет крайне медленно, что резко контрастирует с положением “азиатов” и “латинос”; и это несмотря на значительные успехи

многих афроамериканцев в области образования и в экономической интеграции. Анализ данных 1980 г. показал, что из негров нелатиноамериканского происхождения только 2% состояло в браке с нечернокожими.¹¹²

Неблагоприятные жизненные условия поддерживают негритянский сепаратизм. Некоторые представители черной интеллигенции, в особенности преподаватели университетов, исповедуют сепаратистскую идеологию и отстаивают необходимость сегрегации. В газетах время от времени сообщается об африканских ритуалах на свадьбах или о церемониях инициации среди молодых американских негров. Само за себя говорит и все большее распространение термина “афроамериканец”. Широко сообщается о самоизоляции черных студентов в университетских городках, часто раздаются призывы к проведению отдельных церемоний завершения учебы для негров. В 1993 г. напечатанная в одной из газет карикатура изображала воинствующих негритянских студентов, требующих “отдельных фонтанчиков для питьевой воды”, которые тридцать лет назад были ненавистным символом сегрегации на американском Юге.

Племенная сплоченность черного населения США в целом не ассоциируются с африканской прародиной. Дюбуа говорил, что “нет ничего столь коренного, столь «деланного в Америке», как мы”, а Мартин Лютер Кинг сказал однажды: “Негр – американец; об Африке мы не знаем ничего”.¹¹³ Два опроса негритянского населения, 1990 и 1991 гг., показали, что большинство негров предпочитает называть себя “чернокожими”, а не “афроамериканцами”.¹¹⁴

Афроамериканское племенное самоутверждение под лозунгом “черная гордость” предшествовало другим этническим движениям 1960-1970-х годов и вдохновляло их; нередко на его основе достигалось политическое и экономическое равноправие. Сегодня это самоутверждение – от-

личительный (и положительный) атрибут афроамериканской культуры, к которому американские негры привязаны и которым они гордятся; однако племенные связи внутри негритянского населения ныне скорее определяют тем, что некоторые наблюдатели называют “социальным противопоставлением”, то есть защитной реакцией. В какой-то мере к этой защитной реакции особенно апеллируют негритянские лидеры. В середине 1980-х годов 60% негритянских лидеров считали, что положение негров ухудшается, тогда как две трети опрошенных среди всего негритянского населения заявили, что их жизнь меняется к лучшему. Вследствие экономического спада оптимизм в негритянской среде, вероятно, слегка понизился по сравнению с серединой 1980-х годов, но он по-прежнему выше, чем в восприятии негритянских лидеров.¹¹⁵ Не стоит, однако, удивляться, что защитная реакция у афроамериканцев выражена сильнее, нежели у других этнических групп, если учесть историю расовой розни и бедности, которая сформировала такую реакцию. Отношения взаимной враждебности и настороженности между белыми и черными (включая даже самых зажиточных из черных) вновь обострились как следствие социальных патологий, вызванных жизнью в гетто.

Поскольку эти негритянские гетто – уникальный продукт Америки, то белое большинство, несомненно, несет больше моральных и гражданско-правовых обязательств по отношению к афроамериканцам, нежели к “латинос”. К середине будущего столетия все еще сохранятся значительные группы американцев азиатского и испанского происхождения, и постольку поскольку Америка сохранит свою традицию открытости и примата личных заслуг – эти общины будут еще более интегрированы в американское общество и их внутренние связи во многом ослабеют. Но до тех пор, пока американское общество не найдет какого-либо способа ускорить выход негров из гетто,

всегда сохранится возможность обострения сепаратистских тенденций в афроамериканской общине.

Луис Фарракан и его “Нация ислама”, сосредоточив свою кампанию на университетских городках, пытаются дискредитировать идею интеграции. В 1990 г. Фарракан заявил в “Вашингтон Таймс”, что “у нас нет надежды прийти к подлинному примирению между черными и белыми в этой стране... В конечном счете дело идет к тому, что ответом здесь будет отделение”.¹¹⁶ Важно, что призыв Фарракана к сепаратизму основан не столько на “черной гордости”, сколько на враждебности к белым. В публикации “Нация ислама” он пишет, что “белая раса природой рождена быть врагом подлинного человека... Вот почему достойный Элайджа Мухаммад [идеолог негритянского исламизма в США. – Ред.] назвал их расой дьяволов... Они никогда не установят справедливости, равенства и свободы”.¹¹⁷

ЭРОЗИЯ ЭТНИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Можно ожидать, что общинные связи среди американцев азиатского, европейского и латиноамериканского происхождения будут и далее ослабляться под воздействием “плавильного котла”. При достаточно успешном развитии экономики то же произойдет с индейцами и афроамериканцами, хотя чернокожие будут продвигаться по этому пути медленнее всех. Тогда Америка окажется в качественно новой ситуации.

Некогда обособленные группы того же национального происхождения составляли большинство населения Америки; у каждой из них было особое чувство корней, свое общинное сознание. Ныне большинство американцев уже не связаны с определенной племенной группой, и все же они еще не готовы полностью принять тенденцию интеграции. Нередко они не желают признать реальность “пла-

вильного котла” вследствие присущего американскому обществу романтического представления о своей стране как государстве, в котором сохраняются этнокультурные черты и особенности меньшинств, в том числе и неевропейских (в особенности этнических кулинарных традиций). Кино и телевидение представляют этнические группы как неотъемлемую часть американской действительности, и некоторые национальные обычаи и черты, некогда воспринимавшиеся отрицательно, ныне вспоминаются с умилением. Третье поколение иммигрантов помнит о своих дедушках и бабушках и не хочет смириться с перспективой ассимиляции. К тому же у каждой иммигрантской группы есть своя интеллигенция и активисты национальных организаций, прямо заинтересованные в сохранении групповой культуры и самосознания.

Можно, однако, представить американскую действительность по-иному. В новом веке, в новом тысячелетии Америка может приблизиться к той цели, которую некогда поставил перед ней Ральф Уолдо Эмерсон – к созданию “новой расы..., столь же полной жизни, как новая Европа, вышедшая из плавильного котла «темных веков» [средневековья]”. Его высказывание напоминает, что американские этнические группы восходят не к Адаму и даже не к Вавилонской башне – их создал плавильный котел истории. Дилемма национальных меньшинств Америки может быть просто изжита в ходе исторического развития, а ее историческая роль может свестись к тому, чтобы продемонстрировать силу новой политической идеи, допускающей сохранение многообразных родовых связей внутри интегрированного и ориентированного на достижения индивидуума общества. Америка может так же переварить родовые исторические корни, как это сделали Англия и Франция. В конце концов, кто в Англии помнит происхождение от германских, романских и нордических племен, некогда покоривших страну?

Такое предположение может показаться фантастическим в свете этнических раздоров, вспыхнувших в последнее время в разных регионах мира. Например, в Югославии в течение полувека тоталитаризм подавлял этнические и религиозные различия, и доля смешанных браков была весьма высокой, но когда лед начал таять, этническое сознание вновь возобладало, вызвав трагедии в смешанных семьях и разрушив само понятие “югослав”. Однако в американском обществе сила сопротивления таким явлениям гораздо мощнее, чем где-либо в Европе, да и вообще в других этнически пестрых регионах.

Это не означает, что в Америке будет покончено с культурным разнообразием и что в стране уже не будут возникать новые общины, подобно тому, как после Второй мировой войны появились различные группы “латинос” и “азиатов”. Но в целом, как бы к этому ни относиться, следует ожидать, что специфика американских этнических групп будет со временем стираться. Будущее американского еврейства должно быть рассмотрено именно в этом контексте.

ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ БУДУЩЕГО

Те же факторы этнокультурной эрозии, которые действуют на большинство этнических групп в Америке, приводят к драматическим переменам среди евреев. Основной механизм эрозии просматривается с полной ясностью. Американские евреи неуклонно все более интегрируются в духовную, экономическую и общественную жизнь страны. Растет их социальная и географическая мобильность, усиливается взаимодействие с другими американцами и их культурами. Интенсивность связей внутри еврейской общины снижается. Евреи проявляют большее пристрастие других американцев и их культур, подобно тому, как другие американцы проявляют большее пристрастие к евреям и их куль-

туры. Доля смешанных браков, перевалив отметку 50%, продолжает расти. Более 8 из 10 смешанных браков ведут к образованию смешанных семей – без перехода супруга-нееврея в иудаизм. Все меньше детей в таких семьях сохраняют еврейское национально-религиозное самосознание.

Некоторых исследователей огорчает эта печальная картина, но действительность именно такова. Этнокультурная эрозия, во всяком случае, прослеживается безошибочно – если не для всех евреев, то для еврейского населения как целого. Еврейские лидеры либо отказываются признать эту тенденцию, либо выступают с прекраснодушными и нереальными предложениями о том, как повернуть все вспять. Оптимистические прогнозы нередко основываются на мрачных предпосылках: предполагается, что те или иные факторы усилят враждебность к евреям, что пробудит у них защитную реакцию и вернет в лоно общины. Французский представитель семейства Ротшильдов высказал автору этих строк свою убежденность в том, что Бог послал непропорционально большое число евреев в ряды “новой левой”, чтобы это стимулировало антисемитизм, что в свою очередь побудит евреев сохранить свою самобытность.

Факты показывают, что если существующая тенденция сохранится, социально-экономический статус американских евреев к 2050 году будет еще более устойчивым. Большинство барьеров исчезнет, евреи еще больше интегрируются в американское общество.¹¹⁸ Отчасти вследствие дальнейшей интеграции уровень открытого антисемитизма снизится еще более.

Такое предсказание могло бы вызвать недоумение в то утро 1993 г., когда газеты сообщили об аресте нескольких молодых людей в Лос-Анджелесе, намеревавшихся взорвать (а в некоторых случаях успевших это сделать) еврейские и негритянские объекты. Группа была небольшая, но опасная, в особенности для тех, против кого она собиралась действовать. Но она навряд ли могла бы спровоциро-

вать более широкое и мощное расистское или антисемитское движение. Действия группы вызвали всеобщую тревогу и решительные меры со стороны властей. В ближайшем будущем несомненно сохранится группа активных, хотя и осуждаемых обществом антисемитов, которые составляют примерно 5% населения. Несколько более значительная часть американцев будет по-прежнему пассивно придерживаться антисемитских взглядов и стереотипов, которые укоренились в нашей культуре в течение многих столетий, но их доля составит значительно менее тех 20%, которые, как полагают, разделяют такие взгляды сегодня.

Смягчению антисемитизма будет способствовать изменение профессиональной структуры еврейского населения. В прошлом евреи были широко представлены в торговле, что нередко делало их объектом недовольства потребителей. В будущем все больше евреев будет занято в числе специалистов и администраторов и меньше – в роли “видимых” торговцев и посредников, так что “чрезмерное” участие евреев в деловой и финансовой жизни Америки будет скрыто анонимными структурами корпораций.

Тем временем показатели притяжения евреев в американской политической культуре продолжают расти. В ходе избирательной кампании 1992 г. и после нее, когда калифорнийцы избрали евреев на оба места в Сенате от своего штата, ни один голос не раздался, чтобы отметить этот факт. Республиканский кандидат на одно из этих мест также был евреем. Штат Висконсин с его высокой долей жителей немецкого происхождения имеет двух сенаторов-евреев, а скандинавско-лютеранская Миннесота выбрала еврея-демократа на смену его единоверцу-республиканцу. Назначение Рут Бадер-Гинзберг и Стивена Брейера в Верховный суд не вызвало никаких комментариев по поводу их еврейства, хотя Бадер подчеркнула это обстоятельство в ходе своего утверждения в Сенате. Дело обстоит совершенно иначе при назначении в Верховный суд Луиса Бран-

дейса в 1916 г., Бенджамена Кардозо в 1932 г. и Феликса Франкфуртера в 1939 г.

Проблемы, связанные с Израилем, рассматриваются евреями как наиболее вероятный источник возможного оживления антисемитизма. Этот взрывчатый фактор может проявиться в случае ухудшения отношений между США и Израилем, а также если американские политики и американская общественность будут воспринимать поддержку Израиля как противоречащую интересам Америки, в то время как американские евреи будут продолжать энергично лоббировать в пользу Израиля. Поскольку ход истории непредсказуем, такой возможности отрицать нельзя. Однако это представляется весьма маловероятным. Несмотря на то, что угроза советских авантюр на Ближнем Востоке исчезла, американские национальные интересы в этом регионе по-прежнему существуют, и уникальная политическая стабильность дружественного Израиля остается весьма привлекательной. Образ Израиля как общества западного типа не изменяется. Если мирный процесс на Ближнем Востоке, начавшийся в 1993 г., будет успешно продолжаться, это может снизить уровень подозрительности американцев к арабам. Однако враждебность к Западу, исповедуемая многими экстремистскими политическими силами в мусульманском и арабском мире и демонстрируемая актами террора в США, такими как взрыв во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке в 1993 г., не скоро забудется американским обществом.

Поскольку решающим фактором в американо-израильских отношениях является понимание американским обществом национальных интересов страны, несомненно, что социальная и политическая интеграция американских евреев является важным моментом, удерживающим от какого-либо разрыва Америки с Израилем. Интересно, что согласно обследованию 1993 г. 6 из 10 американских евреев согласились с высказыванием, что “критика в адрес

Израиля, которую мы слышим, в основном – следствие антисемитизма”; однако на самом деле психологическая связь тут несколько иная.¹¹⁹ Многие неевреи в Америке благожелательно относятся к Израилю, ибо ассоциируют его с американскими евреями, к которым они испытывают добрые чувства и с которыми они так или иначе связаны. Известный журналист (протестант по вероисповеданию) Ричард Ривс полагает, что американцы поддерживают Израиль не из-за его значения для безопасности США и не вследствие политических акций еврейской общины, а потому, что им нравятся евреи, с которыми они знакомы. Он считает, что американцы-неевреи попросту переняли привязанность к Израилю у своих еврейских соотечественников.

Сознание того, что благоприятные тенденции могут повернуться вспять и что в общественной жизни есть много непредсказуемого, поддерживает дурные предчувствия даже у тех евреев, которые лично не ощущают антисемитизма. Имея в виду высокий рейтинг Патрика Бьюкенена при выдвижении кандидата в президенты от Республиканской партии в 1992 г., политолог Бенджамен Гинзберг предостерегал, что “как и при голосовании за или против Дэвида Дьюка в Луизиане, избиратели Нью-Хемпшира и других штатов, где проводились первичные выборы, не отдали голоса Бьюкенену, потому что он – антисемит. С другой стороны, его антисемитизм не помешал... примерно 30% республиканских избирателей в ряде других штатов поддержать Бьюкенена”.¹²⁰

Наличие столь многих “неизвестных величин” оправдывает в какой-то степени и эти дурные предчувствия. Однако если Бьюкенен и в самом деле – антисемит, он тщательно избегает открыто это демонстрировать, а этот сигнал свидетельствует о том, что важный сдерживающий фактор работает. В июне 1993 г. одна незначительная газета в районе Сент-Луиса с огорчением заметила, что многие

советники президента Клинтона – евреи. Однако антисемитская позиция газеты меркнет на фоне того, что значительное число советников Клинтона – действительно евреи, а также того, что крупные местные общественные деятели, включая католического епископа Сент-Луиса и обозревателей главных газет, резко и недвусмысленно осудили оскорбительную передовицу.

Общепринятое отрицательное отношение к предрассудкам и нетерпимости не обнаруживает никаких признаков ослабления. Это, по-видимому, отчасти объясняется тем, что группы, обычно становящиеся объектом расистских нападок – афроамериканцы, “азиаты”, “латинос” и евреи – вскоре составят более половины американского населения. Этнокультурное разнообразие всегда было и впредь будет присуще американскому обществу, и это не позволит движениям, исповедующим этнорасовую нетерпимость, стать серьезной политической силой в масштабе страны.

В конечном счете, антисемитизм проявляется как феномен культуры. Он распространяется и реализуется через культуру общества, и через нее же он может ограничиваться. “Закон давности” предполагает, что если культура антисемитизма достаточно долго подавляется ограничениями, она может атрофироваться. Чем меньше резервуар антисемитских настроений, тем меньше антисемитизм может эксплуатироваться демагогами, тем легче отгеснить нетерпимость на обочину общественной жизни.

Несмотря на множество оснований для оптимизма, некоторые евреи озабочены распространением в американском обществе настроений христианского фундаментализма. Тревога связана прежде всего с протестантами-евангелистами, которые провозглашают себя “родившимися заново христианами” и склонны обращать других в свою веру. К ним причисляет себя примерно треть американцев. Но их политический потенциал как крайне правой силы на самом деле не столь велик, ибо под эту категорию

подпадает больше негров, чем белых, и больше людей с низкими, чем с высокими доходами. Поэтому среди евангелистов примерно поровну демократов и республиканцев, ибо к республиканцам среди них относят себя только белые представители среднего класса.¹²¹ Хотя некоторые белые евангелистские лидеры время от времени вступают на политическую арену, главным образом на стороне республиканцев и экономических консерваторов, они не могут увлечь за собой значительное число избирателей. Джерри Фолуэлл пытался это сделать, но в результате утратил свою популярность как проповедник. Несомненно также, что фундаменталисты не могут получить серьезной поддержки в Республиканской партии, хотя в ряде штатов они добиваются некоторых успехов, отчасти потому, что больше принимают участие в первичных выборах и чаще появляются на открытых предвыборных собраниях, чем избиратели, придерживающиеся умеренных взглядов.

Кроме того, следует помнить, что попытки нарушить принцип отделения религии от государства, терпели поражение на всем протяжении американской истории. Существующие законодательные гарантии позволяют надеяться, что такие попытки не будут удаваться и впредь, отчасти в силу гетерогенного характера американского общества. Как и в области прав человека, суды и законодательные органы Соединенных Штатов будут еще долго заниматься такими сложнейшими вопросами, как, например, допустимая степень интеграции некоторых религиозных символов и ритуалов в общественную жизнь – и нет сомнения, что даже некоторые еврейские организации будут требовать расширения таких возможностей, но американские законы, препятствующие любой политике такого рода, необратимы.

Некоторые американские евреи проявляют беспокойство из-за несомненного усиления антисемитизма в Восточной и даже в Западной Европе. Их тревожит не только

судьба соплеменников, но и память об импорте антисемитизма в Америку из нацистской Германии 1930-х годов. Верно, конечно, что по всем приведенным выше причинам уровень ксенофобии и антисемитизма в большинстве стран Европы выше, чем в США; однако и там антисемитизм сталкивается с препятствиями. И одно из таких препятствий – сами США и их огромная роль во все более взаимосвязанном международном сообществе.

Для американского еврейства еще не пришло время полностью оставить всякие опасения. Приведенные выше соображения не означают, что антисемитизма уже нет и не будет; однако они говорят о том, что антиеврейские настроения в американском обществе вряд ли будут серьезной проблемой. Даже упорное предчувствие недоброго – исторически понятная защитная реакция – должно смягчиться по мере того, как новые поколения американских евреев почувствуют, что их положение в обществе в основном обеспечено и защищено. Так или иначе, в открытой и богатой возможностями Америке тревожная защитная реакция – это не то, на чем можно строить устойчивое объединяющее сознание евреев и любой иной группы.

СОХРАНЕНИЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В АМЕРИКАНСКОЙ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЕ

Если некоторые описанные выше факторы обеспечили необычайную совместимость между евреями и Америкой, приведя их к взаимному приятию и к интеграции евреев, то некоторые другие позитивные факторы могут замедлить эрозию еврейской общинной жизни. Начнем с не имеющей себе равных сети крепких общинных институтов, созданных для того, чтобы развивать и поощрять единство евреев. Свыше двухсот еврейских общин имеют централизованные федеративные организации для сбора средств на разнообразную благотворительную деятельность, а также

для Израиля. Эти общины различаются по размерам и профилю: погребальные общества, кредитные ассоциации, общинные центры, семейные институты, общественные комитеты и проч. Общины содержат тысячи синагог. Примерно 250 национальных организаций имеют значительное число членов, а также включают институты и координационные учреждения. Многие из таких организаций имеют отделения на местах.

Сеть еврейских организаций в США так густа, что, как кто-то заметил с юмористическим преувеличением, каждый американский еврей рано или поздно может стать председателем какой-нибудь организации. Эта разветвленная сеть усиливает привлекательность организованной еврейской жизни и поддерживает связи внутри еврейской общины; она также сдерживает этнокультурную эрозию американского еврейства.

Поскольку у евреев есть выраженная общая специфика и в области образования и профессиональных занятий, они и в будущем сохранят связи в общественной, профессиональной и политической жизни, даже если еврейские кварталы перестанут существовать. Общая закономерность такова, что чем больше сфер деятельности, в которых взаимодействуют члены одной и той же группы, тем сильнее групповое единство.

Названные выше сдерживающие факторы – общая защитная реакция, развитая сеть общинных институтов, общая социальная структура – несомненно способствуют сохранению специфики американского еврейства. Однако можно полагать, что защитная реакция среди евреев будет ослабевать. Кроме того, многие группы нееврейского населения по уровню образования и характеру занятости приближаются к евреям. К тому же около половины американских евреев никак не вовлечены в описанную выше густую сеть организаций.

С распространением евреев по территории США орга-

низационные связи между ними стали более важными для поддержания единства. В 1927 г., когда более 40% американских евреев проживали в Нью-Йорке в своих особых кварталах, не имел существенного значения тот факт, что степень их связи с организациями и синагогами была значительно ниже, чем в небольших городах. Общинная атмосфера в еврейских кварталах и в Нью-Йорке была сама столь объединяющей, что для групповой солидарности формальная принадлежность к организациям не была необходимой. Ныне, однако, когда внутриквартальные связи, даже в Нью-Йорке, значительно менее тесны, евреи, не связанные с еврейскими организациями, имеют мало возможностей поддерживать свою этническую самобытность.

Учитывая огромный интегративный потенциал американского общества и внутреннюю тенденцию к интеграции среди евреев, можно полагать, что численность еврейской общины к середине следующего века существенно сократится. Степень сохранения ядра общины и перспективы ее выживания зависят от ряда факторов, более глубоких по характеру, чем названные выше (общность защитной реакции, единство социально-профессиональной структуры и наличие разнообразных общинных институтов).

Перспектива значительного сокращения еврейской общины вызывает серьезную озабоченность у ее лидеров. Эта проблема широко обсуждается в еврейской среде. Нередко доводы сводятся к тавтологии: евреи будут лучшими и более сильными, если они будут лучшими и более сильными евреями. Появляются все новые исследовательские проекты по поиску социальных механизмов, которые могли бы способствовать решению проблемы. Но проблема эта для евреев, как и для других этнических групп, находится вне сферы социальной инженерии; корень ее – в динамике развития американского общества.

Чарльз Либман ставит вопрос о выживании амери-

канского иудаизма в более резкой форме: стоит ли вообще американскому иудаизму выживать? Он замечает, что “любой, кто серьезно задаст себе такой вопрос, вряд ли ответит, что выживание – дело стоящее”.¹²² Однако осознание, что выживание иудаизма “дело стоящее”, является неотъемлемой частью еврейской жизни, это тот имманентный фактор, на который не влияют ни защитная реакция, ни другие мотивы.

Поиски этого качества слишком часто проявляются в поисках особой идеологии (социальной или политической). Как мы уже говорили, существуют идеологии, тесно связанные с еврейской жизнью, однако, как правило, они представляют собой интерес лишь для тех, кто чувствует свою принадлежность к еврейству. Существуют, разумеется, возможности заняться общественной деятельностью вне еврейской общины – в политических партиях, Американском союзе борьбы за гражданские свободы, клубе “Сьерра” и других либеральных и консервативных организациях. Главная причина осознанного участия евреев в общественной жизни именно как *евреев* заключается в ощущении принадлежности к племени, в котором возникла подобная идеология – но именно этот источник идеологии постоянно подвергается атаке со стороны интегративного американского общества.

Существование Израиля, безусловно, вызывает эмоциональный отклик, и не только у евреев диаспоры, но и у тех, чье еврейское самосознание уже размыто. Однако по указанным выше причинам можно считать, что эмоциональная связь между американскими евреями и Израилем со временем не усиливается, а слабеет и может ослабеть еще больше по мере успехов мирного процесса на Ближнем Востоке. Некоторые даже полагают, что существование Израиля, где “еврейская жизнь” и “общественная жизнь” тождественны, косвенно ставит большинство американских евреев и их многочисленные и разнообразные общи-

ны в положение аутсайдеров, отличающихся от подлинных евреев Израиля.

И, наконец, многие исследователи указывают на религию как на существенное условие выживания американского еврейства. Но как мы уже отмечали выше, религиозные верования или отправления религии для большинства людей – не просто результат волеизъявления, как не является добровольным уходом из общины отказ некоторых от веры и религиозных обрядов.

Существует определенное число евреев, примыкающих к тому или иному (консервативному, реформистскому или ортодоксальному) течению в иудаизме и ревностно относящихся к религиозным обязанностям, таким как регулярное посещение синагоги. Однако в будущем такие евреи составят относительно небольшую часть еврейского населения, и эти евреи не являются критерием для всех других. Значительно больше таких евреев, которые хоть и не придерживаются всех предписаний иудаизма, видят в еврействе некий духовный смысл. Главной темой прошедшего в 1993 г. съезда Союза американских еврейских конгрегаций, объединяющего приверженцев реформистского иудаизма, была необходимость удовлетворения духовных запросов молодых евреев.

Существуют признаки того, что всепроникающее ощущение обезличенности порождает у многих американцев “духовную тоску”, которая может быть компенсирована религиозными институтами, предлагающими традиционные формы духовной общности, возможно, отчасти как замещающие утраченное этническое самосознание. В ходе общенационального обследования поколения “бэби бума” [родившиеся в период высокой рождаемости после Второй мировой войны – Ред.] социолог религии Уэйд Кларк Руф обнаружил, что хотя половина принадлежащих к этому поколению навсегда оставила церковь или синагогу, миллионы остались активными “богоискателями”, не причисляю-

щими себя к определенному вероисповеданию, но опирающимися в своих поисках на широкий спектр религиозных традиций.¹²³ В Калифорнии, где особенно много “искателей нового времени”, расхожим стал рассказ о рождественской елке, украшенной “звездами Давида”, и о церемониях, проводимых совместно буддийским священником и раввином.

Такая картина не радует тех, кто озабочен выживанием еврейства, вынуждая их снова ставить извечный вопрос о том, что важнее для евреев – религиозная или этническая принадлежность. Большинство людей испытывает потребность в духовном самовыражении, но для евреев именно ощущение принадлежности к своему племени определяет это самовыражение. Примерно три четверти американских евреев хотя бы иногда следуют иудаистским традициям, например, участвуют в пасхальной трапезе. При этом ими движет стремление к поддержанию этнических связей. Однако по мере размывания этнической обособленности в открытом американском обществе число евреев, сохраняющих такие связи, будет сокращаться. Тут можно вспомнить образ, созданный Стивеном Козном – “синдром артишока... когда встреча с Америкой постепенно, слой за слоем снимает особые еврейские черты”.¹²⁴

С другой стороны, еврейская культура может предложить каждому еврею комплекс исторически созданных традиций в религиозном контексте, непосредственно затрагивающих сферу личных ценностей. Для большинства евреев, отмечает Чарльз Либман, эти традиции в какой-то мере являются как бы “фольклорной религией...”, которая копирует организационную структуру ортодоксальной религии, игнорируя структуру верований этой элитной религии, но никак не игнорируя структуру человеческих ценностей той же ортодоксальной религии.¹²⁵ Такая фольклорная религия может привлечь множество людей, которые отправляют минимум религиозных обрядов (и то

лишь ради племенной идентификации), но ощущают при этом духовную благодать. Евреи, для которых религия стоит на первом плане, не будут, конечно, считать таких людей полноценными иудеями, но все же в их еврейском самосознании есть существенный религиозный компонент.

Религиозный аспект еврейской жизни является мощным препятствием на пути ассимиляции американского еврейства. Он дает основания полагать, что хотя еврейская община к середине будущего века значительно уменьшится по численности, она не исчезнет окончательно и даже, пожалуй, обретет некоторую устойчивость.

Более того, нельзя полностью исключить и возможность того, что условия изменятся и евреи, находящиеся сейчас за пределами еврейской общины, вернутся в нее. Даже если размывание этничности продолжится, со временем может наступить реакция на этот процесс. Человеческая природа в целом противится утрате корней. Большинство людей ищут полноты жизни в некоей общности, особенно в такой, которая придает их существованию форму, преимущество и духовный смысл, выходящий за пределы семейных связей.

Возрождение общинного духа, возможно, наблюдается уже сейчас. Если воспользоваться терминологией немецкого социолога Георга Зиммеля, можно сказать, что привлекательность общины (*Gemeinschaft*) вновь начинает опережать привлекательность современного массового общества (*Gesellschaft*); это объясняется не только извечными свойствами человеческого характера, но и сложившимся в последнее время представлением о здоровой социальной жизни. Однако новое стремление к общинности не означает возрождения этничности. Новые искатели смысла жизни не собираются возвращаться в общины, сформировавшиеся по признаку общности происхождения, уже почти исчезнувшие в открытом американском обществе.

На основе социологических исследований в богатых

пригородных районах Ричард Альба предположил, что “под нивелирующим воздействием жизни в пригородах этническая специфика имеет тенденцию к уменьшению и главным фактором культурной дифференциации остается религия.¹²⁶ Но, как отмечено выше, позиции главных либеральных христианских конфессий ослабевают, тогда как более фундаменталистские направления, нередко имеющие базу в определенных регионах, в какой-то мере набрали силу. Эндрю Грили отмечает, что церковные приходы в пригородах способствовали сохранению тесных связей между католиками. Хотя связи в рамках приходов и жилых районов теперь значительно ослабели, все же религиозные общности, более, чем группы людей того же происхождения, способны поддерживать единство, несмотря на географическое рассеяние своих членов.

Когда евреи были изгнаны из древнего Иерусалима, раввины осознали, что для сохранения народа в рассеянии нужна защитная оболочка из законов, обычаев и ритуалов, особенно там, где евреи могли легко перейти в другую веру. Но, как мы уже отмечали, в интегративном американском обществе такая оболочка быстро разрушается.

Нынешнее американское общество относится на удивление терпимо не только к межэтническим, но и к религиозно смешанным бракам. В 1983 г. 9 из 10 католиков, опрошенных службой Гэллапа, выразили одобрение бракам между католиками и протестантами, а также (!) между католиками и евреями; 7 из 10 протестантов выразили то же мнение.¹²⁷ Такие показатели заслуживают внимания, даже если рассматривать их как выражение смирения с неизбежным. И все же, по отмеченным выше причинам, религиозное сознание меньшинств оказывается более устойчивым, нежели память об общих корнях; к тому же община, основанная на прочных религиозных связях, имеет больше шансов на обновление, если, разумеется, члены общины, находящиеся на периферии, не оторвались от нее навсегда.

Наиболее часто предлагается воспрепятствовать сокращению еврейской общины путем “еврейского воспитания”. Правильность этой идеи подтверждается исследованиями, показывающими, что чем дольше и интенсивнее дается еврейское воспитание, тем больше вероятность того, что получившие его будут исповедовать иудаизм.¹²⁸ С другой стороны, это средство довольно избитое. Американское общество убедилось на печальном опыте, что предоставить людям доступ к образованию недостаточно. Воспитать можно только тех, у кого уже есть установка на получение воспитания и использование его плодов. Для евреев такая установка связана с ощущением этнической ответственности.

Таким образом, мы имеем дело с порочным кругом. Возможно, что стратеги еврейского выживания слишком сосредоточились на количественных аспектах проблемы. Действительность показывает, что число вступающих в цикл еврейского воспитания важнее, чем “выход” этого процесса, и это важно не столько для сохранения ядра еврейства, сколько для расширения этого ядра в будущем. Если еврейская община даже станет меньше по численности, но сохранит сплоченность, многие “маргинальные евреи”, уже не вовлеченные в этнические связи, на поколения вперед сохранят ощущение еврейства или, по меньшей мере, память о своих корнях. Живое ядро общины, преданное этнической и религиозной еврейской традиции, может стать магнитом, притягивающим обратно тех, кто тоскует по духовности и общинному бытию, включая и тех, кто лишь отчасти является евреем по рождению.

В предвидении дня возможного возвращения было бы полезным сохранить как можно больше черт еврейской самобытности.

Нынешние сдвиги в положении женщины в еврейской среде также могут улучшить этнические перспективы еврейства. Некогда по существу отлученные от религиозной

иерархии, женщины ныне все больше привлекаются к лидерству. За последние годы женщины впервые стали получать соответствующее образование и занимать должности раввинов в реформистских и консервативных конгрегациях. Доля женщин в раввинате и руководстве религиозных организаций еще невелика, но она явно растет из года в год.

Такой пример инновации важен не только потому, что женщины всегда играли важную роль при соблюдении религиозных обрядов, но и потому, что это показывает открытость еврейства для новых форм религиозной жизни. Можно также отметить формирование *хавурот* – небольших независимых групп молящихся, нередко объединяющихся с существующими конгрегациями.

Американское еврейство стремится также разумно реагировать на перемены, связанные с интеграцией. Так, вследствие высокого процента смешанных браков некоторые еврейские религиозные организации разработали программы благожелательного приема нееврейских супругов. Осуществляется все больше программ с целью улучшить психологический климат в еврейской общине для смешанных пар; однако такие программы могут подорвать стимулы к принятию иудаизма. В целом, однако, новая “открытость” рассчитана на то, чтобы удержать как можно больше евреев в той или иной связи с общиной.

В конечном счете, большинство евреев хочет быть евреями. Даже живя в Америке на протяжении четырех поколений, они сохраняют хотя бы некоторые еврейские традиции. Второй президент США Джон Адамс писал, в духе своего времени, что “не будучи больше преследуемыми, [евреи] вскоре отбросят некую косность и обособленность своего характера, а со временем, возможно, станут либеральными христианами-унитариями”.¹²⁹ Американские евреи больше не подвергаются преследованиям, и Адамс, вероятно, счел бы весьма удивительным,

что оставляют свою религию куда меньше евреев, по сравнению с теми упрямыми, кто продолжает ее исповедовать. Подобно многим своим (и нашим) современникам, Адамс недооценил силу этнических и религиозных чувств.

И все же сила уникального общества, созданию которого способствовал Адамс, преодолевала эти чувства, размытая обособленность этнических групп. Даже если мы теоретически согласимся с возможностью одного из “сюрпризов”, описанных Натаном Глазером, все равно следует признать, что усилия, препятствующие сокращению еврейского населения Америки, оправданы, но они должны быть обращены к реальности, а не к ностальгии, защитным реакциям и чувству вины. Несмотря на все разработанные в еврейской среде программы, евреи, желающие оставаться евреями в проникнутом духом интеграции американском обществе, будут и впредь стоять перед сложнейшей дилеммой.¹³⁰

Суть этой дилеммы состоит в том, что и большинство евреев, желающих сохранить свое еврейское самосознание, не намерены отказываться от преимуществ интеграции. На пороге XXI века они настроены так же, как Ребекка Самуэльс, которая в конце XVIII века писала своим родителям о том, “как прекрасна эта страна”, и так же как жившие на пороге XX века герои Абрахама Кахана, которые “поднялись с мест как один человек” и аплодировали национальному гимну, как бы желая провозгласить: “под этим флагом никто не смеет нас преследовать”.

Вряд ли кто-либо так ясно понял природу этой дилеммы, как небольшая группа евреев-хасидов (примерно 12 тысяч человек), которая в 1994 г. решила основать на севере штата Нью-Йорк свой изолированный анклав с собственным школьным округом. Их подход был строго сепаратистским. Один из их представителей заявил: “Мы не желаем открыть перед нашими детьми все общество, весь свет... Мы хотим сохранить наши традиции”. “Мы не сек-

та амишей [протестантская секта, живущая обособленно и не пользующаяся достижениями цивилизации.— Ред.]. У нас есть электричество. У нас есть автомобили и другие вещи, которые дает современный мир. Но мы хотим жить, как наши предки — одеваться, как они, говорить на том же языке”. Поэтому их дети изолированы от других групп, от воздействия телевидения, а после 18 лет родители устраивают их браки.¹³¹

Такая добровольная изоляция может оказаться успешной для небольшой группы, в особенности если ей как-то удастся избежать интегрирующего воздействия университетов и свободного рынка. Но последовательно сепаратистский подход вряд ли может быть эффективен для американского еврейства в целом.

“Хрупкий остаток” — так в XIX веке называли евреев Бенджамен Дизраэли. “Остаток” — понятие относительное, и к американскому еврейству оно вполне приложимо. Если не произойдет ничего неожиданного, численность евреев в Америке к середине будущего века сократится не только относительно, но и абсолютно. Но те, кто останется — и более преданные еврейской традиции, и “попутчики” — скорее всего будут чувствовать себя так или иначе связанными общим религиозно-этническим самосознанием. В итоге, в отличие от большинства этнических групп, чье самосознание оказалось размытым, остаток американского еврейства может стать значительно менее “хрупким”, чем ныне. Но даже религиозное своеобразие евреев не заставит их предпочесть изоляцию. Дилемма американских евреев, как и большинства других американских меньшинств, не может быть решена без учета тех уникальных черт американского общества, которые, собственно, и стали причиной этой дилеммы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Abraham Cahan, *The Rise of David Levinsky* (New York: Harper and Brothers, 1917; Harper Torchbook edition), p. 424.
- 2 Этот подход подробнее разъясняется в работе Seymour Martin Lipset, *Exceptionalism: The Persistence of an American Doctrine* (New York: W.W. Norton, готовится к печати).
- 3 S.M. Lipset, *The First New Nation: The United States in Historical and Comparative Perspective* (New York: W.W. Norton, rev. ed. 1979), pp. 110-113.
- 4 Ibid.
- 5 Edward A. Tiryakian, "American Religious Exceptionalism: A Reconsideration", *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 527 (May 1993), pp. 51-52.
- 6 Todd M. Endelman, *The Jews of Georgian England, 1714-1830: Tradition and Change in a Liberal Society* (Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1979), p. 31.
- 7 Jacob R. Marcus, *The American Colonial Jew, 1492-1776* (Detroit: Wayne State University Press, 1970), p. 267 (подчеркнуто автором); см. также "Jews and the American Revolution: A Bicentennial Documentary", *American Jewish Archives*, 27:2 (November 1975), p. 210.
- 8 Mary Antin, *The Promised Land* (Boston: Houghton Mifflin, 1912), p. 202.
- 9 Richard Hofstadter, *America at 1750* (New York: Alfred A. Knopf, 1971), p. 139.
- 10 Stanley Feldstein, *The Land That I Show You* (Garden City, NY: Doubleday-Anchor, 1978), p. 14.
- 11 George Mason, in *Reminiscences of Newport*, цит. там же, p. 4.
- 12 Henry L. Feingold, *A Midrash on American Jewish History* (Albany: State University of New York Press, 1982), p. 189. Для сравнения см. Arnold M. Eisen, *The Chosen People in America: A Study in Jewish Religious Ideology* (Bloomington: Indiana University Press, 1983), pp. 25-52, см. также Joseph L. Blau,

Judaism in America: From Curiosity to Third Faith (Chicago: University of Chicago Press, 1976), pp.7-20.

13 Max Weber, *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism* (New York: Scribner, 1958), pp. 54-55.

14 Max Weber, *Economy and Society* (Berkeley: University of California Press, 1978), vol. 1, pp. 622-623. Дополнительно о связи между иудаизмом и пуританством, особенно в Америке, см. также Edward A. Tiryakian, "American Religious Exceptionalism: A Reconsideration," *The Annals of American Academy of Political and Social Science*, 527 (May 1993), pp. 51-52.

15 См. вышеприведенное произведение А. Тайрикяна, стр. 48-50. Для уяснения соотношения между протестантской этикой и стремлением евреев к успеху см. также Fred Strodtbeck, "Family Interaction, Values and Achievement," in David C. McClelland et al., *Talent and Society* (Princeton: D. Van Nostrand Co., 1958).

16 Hillel Levine – сообщено лично автору. Anita Libman Lebeson, *Pilgrim People* (New York: Minerva Press, 1975), p. 178; Blau, *Judaism in America*, p.113; Nissan Waxman, "A Neglected Book" (иврит), in *Shana Beshana: Yearbook of Heichal Shlomo* (Jerusalem: 1969), pp. 303-315.

17 Naomi W.Cohen, *Encounter with Emancipation* (Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1984), p. 8.

18 Leon Harris, *Merchant Princes* (New York: Harper & Row, 1979), pp. 92-114.

19 Cohen, *Encounter*, p.20.

20 Harris, *Merchant Princes*, p. 263.

21 Feldstein, *The Land*, p. 53.

22 Naphtali J. Rubinger, *Albany Jewry of the Nineteenth Century* (Ph.D. Dissertation, Yeshiva University, 1970), p. 190.

23 Francis Gregory and Irene D. Neu, "The American Industrial Elite in the 1870s", in William Miller, ed., *Men in Business: Essays in the History of Entrepreneurship* (Cambridge: Harvard University Press, 1952), p. 200.

- 24 Floyd S. Fierman, "Reminiscences of Emanuel Rosenwald", *New Mexico Historical Review*, 37:2 (1962), p. 110.
- 25 Feldstein, *The Land*, p. 37.
- 26 Rubinger, *Albany Jewry*, p. 198.
- 27 "In Praise of the Jews," in Morris U. Schappes, ed., *A Documentary History of Jews in the United States, 1654-1875* (New York: Schocken Books, 1971), pp. 557-558.
- 28 Передовая статья в *Philadelphia Sunday Dispatch* (April 21, 1867), "Excluding Jews From Insurance," in Schappes, ed., *Documentary History*, p. 514.
- 29 Cohen, *Encounter*, p. 24.
- 30 Henry L. Feingold, *Zion in America* (New York: Twayne, 1974 ed.), p. 114.
- 31 Цит. в работе Moses Rischin, *The Promised City* (New York: Corinth Books, 1964), p. 30.
- 32 Feingold, *Zion*, p. 114
- 33 Cohen, *Encounter*, p. 29.
- 34 U.S. Bureau of the Census, *Historical Statistics of the United States* (Washington, D.C.: U.S. Bureau of the Census, 1960).
- 35 Gerald Sorin, *A Time for Building: The Third Migration, 1880-1920* (Baltimore: The John Hopkins University Press, 1992), p. 74.
- 36 Howard M. Sachar, *A History of the Jews in America* (New York: Alfred A. Knopf, 1992), p. 141.
- 37 Michael Gold, *Jews Without Money* (New York: Carroll & Graf Publishers, 1985), pp. 159-160. 1930.
- 38 Abraham Bosnio, "Chicago" in Charles S. Bernheimer, ed., *The Russian Jew in the United States* (Philadelphia: John C. Winston Co., 1905), p. 135.
- 39 Rischin, *The Promised City*, pp. 52-54.
- 40 Isaac M. Rubinow, "New York" in Bernheimer, ed., *The Russian Jew*, p. 103.
- 41 Nathan Glazer, "Social Characteristics of American Jews, 1654-1954", *American Jewish Yearbook 1955*, 56 (Philadelphia: American Jewish Committee and Jewish Publication Society, 1955), p. 15.

- 42 Rubinow, "New York", pp. 106-107.
- 43 Sachar, *A History of the Jews*, p. 341.
- 44 Rudolf Glanz, *Jew and Italian, 1881-1924* (New York: Shulsinger Bros., 1971), p. 67. Bruno Roselli, *Our Italian Immigrants: Their Racial Background* (New York, 1927), p. 113.
- 45 Richard W. Fox, "The Paradox of Progressive Socialism: The Case of Morris Hillquit", *American Quarterly*, 26, (March 1974), p. 136.
- 46 Ibid.
- 47 Charles E. Silberman, *A Certain People: American Jews and Their Lives Today* (New York: Summit Books, 1985), p. 137.
- 48 Feingold, *Zion*, p. 160.
- 49 Arthur N. Holcombe, *The Middle Classes in American Politics* (Cambridge: Harvard University Press, 1940).
- 50 Seymour Martin Lipset and Reinhard Bendix, *Social Mobility in Industrial Society*, (New Brunswick, NJ: Transaction Books, 2nd ed., 1992).
- 51 Lewis Corey, "The Middle Class", *Antioch Review*, 5 (Spring 1945), pp. 1-20.
- 52 U.S. Bureau of the Census, *Historical Statistics*, p. 74.
- 53 Glazer, "Social Characteristics", p. 20.
- 54 Steven M. Cohen, *The Dimension of American Jewish Liberalism* (New York: American Jewish Committee, 1989), pp. 28-29. Десятью годами ранее Эндрю Грили на основе данных Национального центра по изучению общественного мнения пришел к выводу, что евреи наиболее преуспевшая группа американского общества – см. Andrew M. Greeley, *Ethnicity, Denomination and Inequality* (Beverly Hills: Sage, 1976), p. 39. См. также David C. McClelland, "Issues in the Identification of Talent", in McClelland et al., *Talent and Society*, pp. 19-21.
- 55 Данные Джеральда Бубиса, приведенные в работе Barry A. Kosmin, "The Dimensions of Contemporary American Jewish Philanthropy", in Barry Kosmin and Paul Ritterband, eds., *Contemporary Jewish Philanthropy in America* (Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 1991), p. 24.

- 56** Barry A. Kosmin and Seymour P. Lachman, *One Nation under God: Religion in Contemporary American Society* (New York: Harmony Books, 1993), p. 260. Calvin Goldscheider and Alan S. Zuckerman, *The Transformation of the Jews* (Chicago: University of Chicago Press, 1984), p. 183.
- 57** Richard D. Alba and Gwen Moore, "Ethnicity in the American Elite", *American Sociological Review*, 47 (June 1982), p. 377. Stanley Lieberson and Donna K. Carter, "Making It in America: Differences between Eminent Black and White Ethnic Groups", *American Sociological Review*, 44 (June 1979), pp. 349-352.
- 58** Обзор и список источников о роли евреев в науке и искусстве см. в работе Charles E. Silberman, *A Certain People: American Jews and Their Lives Today* (New York: Summit Books, 1985), pp. 143-156; о евреях среди интеллигенции высшего уровня см. Charles Kadushin, *The American Intellectual Elite* (Boston: Little, Brown, 1974), pp. 19-32; о евреях среди американских нобелевских лауреатов см. Harriet Zuckerman, *Scientific Elite: Nobel Laureates in the United States* (New York: Free Press, 1977), p. 68. Данные о евреях – университетских профессорах см. в Seymour Martin Lipset and Everett Carl Ladd, "Jewish Academics in the United States: Their Achievements, Culture and Politics", *American Jewish Yearbook*, 71, (1971), pp. 92-93.
- 59** Источники данных см. в Lipset and Ladd, "Jewish Academics", p. 99.
- 60** Nathan Reich, "The Role of the Jews in the American Economy", *YIVO, Annual* 5 (1950), pp. 197-205; Nathan Glazer, "The American Jew and the Attainment of Middle-Class Rank: Some Trends and Explanations", in Marshall Sklare, ed., *The Jews: Social Patterns of an American Group* (Glencoe, IL: Free Press, 1958), pp. 138-146; Sidney Goldstein, "Socio-economic Differentials among Religious Groups in the United States", *American Journal of Sociology*, 74 (May 1969), pp. 612-631; Simon Kuznets, *Economic Structure of the Jews* (Jerusalem: Institute of Contemporary Jewry, 1972); Marshall H. Medow,

"Note: Some Differences between the Jewish and General White Male Population in the United States", *Jewish Sociological Studies*, 43 (Winter 1981), pp. 75-80.

- 61** Lucy S. Dawidowicz, *On Equal Terms: Jews in America 1881-1981* (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1982), p. 51. См. также Arthur A. Goren, *The American Jews* (Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 1982), pp. 73-76.
- 62** Сообщается по нескольким источникам в работе Ronald Takaki, *A Different Mirror: A History of Multicultural America* (Boston: Little, Brown and Company, 1993), pp. 163-164.
- 63** Seymour Martin Lipset, "Two Americas, Two Value Systems, Blacks and Whites", *Tocqueville Review*, 13: 1 (1992), pp. 159-164.
- 64** Marshall Sklare, *Observing America's Jews* (Hanover, NH: University Press of New England/Brandeis University Press, 1993), pp. 262-274.
- 65** *Ibid.*, p. 265.
- 66** Sam Roberts, *Who We Are: A Portrait of America Based on the Latest U.S. Census* (New York: Times Books, 1994), p. 283.
- 67** Richard D. Alba, *Ethnic Identity: The Transformation of White America* (New Haven: Yale University Press, 1990), p. 297.
- 68** *Ibid.*, p. 299.
- 69** *Ibid.*, p. 47.
- 70** *Ibid.*, p. 15.
- 71** *Ibid.*, p. 5.
- 72** "The Numbers Game", *Time Magazine*, Fall 1993 Special Issue, p. 15.
- 73** Gallup Poll, July 9, 11, 1993, сообщается в *San Francisco Chronicle*, July 23, 1993, p. A26.
- 74** "The Numbers Game", p. 15.
- 75** *Tampa Tribune*, Nov. 2, 1982.
- 76** Lansing Lamont, *Breakup: The Coming End of Canada and the Stakes for America* (New York: W.W. Norton, 1994), p. 210.
- 77** Richard Rodriguez, *Hunger for Memory* (Boston: David Godine, 1982), pp. 19-27; Earl Shorris, *Latinos: A Biography of the People* (New York: W.W. Norton, 1992), pp. 73-74, 181-183.

- 78 Census Bureau, Statistical Abstract of the USA 1992 (Washington, D.C.; Bureau of the Census, Department of Commerce), p. 41.
- 79 Shorris, Latinos, pp. 428-429.
- 80 Ibid., p. 426.
- 81 Peter Skerry, Mexican Americans: The Ambivalent Minority (New York: Free Press, 1993), p. 285.
- 82 Kevin F. McCarthy and R. Burciaga Valdes, Report R-3365-CR (Santa Monica: Rand Corporation, 1986), pp. 61-62; см. также Skerry, Mexican Americans, p. 285.
- 83 Rudolfo O. de la Garza, Louis De Sipio, F. Chris Garcia, John Garcia, and Angelo Falcon, Latino Voices: Mexican, Puerto Rican, and Cuban Perspective in American Politics (Boulder: Westview, 1992), p. 98; JoAnn Zuniga, "87% in Poll See Duty to Learn English", Houston Chronicle, July 12, 1990, p. A19.
- 84 Arthur M. Schlesinger Jr., The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society (Knoxville: Whittle Books, 1991), p. 79.
- 85 Paul R. Spickard, Mixed Blood: Intermarriage and Ethnic Identity in Twentieth-Century America (Madison: University of Wisconsin Press, 1989), p. 344.
- 86 Ibid.
- 87 Ibid.
- 88 Skerry, Mexican Americans, p. 68.
- 89 Linda Chavez, Out of the Barrio (New York: Basic Books, 1991), p. 81.
- 90 Census Bureau, Statistical Abstract of the United States 1992, p. 41.
- 91 Louis Winnick, "America's 'Model Minority'", Commentary, 92 (August 1990), p. 25.
- 92 Carla Rivera, "Asians Say They Fare Better than Other Minorities", Los Angeles Times, August 20, 1993, p. A20.
- 93 Spickard, Mixed Blood, p. 344.
- 94 "The Numbers Game", p. 14.
- 95 Spickard, Mixed Blood, p. 345.

- 96 Schlesinger, Disuniting, p. 80.
- 97 Statistical Abstract of the United States 1992, p. 164.
- 98 Spickard, Mixed Blood, p. 348.
- 99 Соответствующие данные имеются в публикациях: The Black Population of the United States, Current Population Reports, Population Characteristics, pp. 20-464 (Washington, DC: U.S. Bureau of the Census, March 1991), pp. 16, 33; Robert Staples, "The Illusion of Racial Equality: The Black American Dilemma"; Gerald Early, ed., Lure and Loathing (New York: Penguin Press, 1993), p. 229; Statistical Abstract of the United States 1992, p. 94. См. также Bart Landry, The New Black Middle Class (Berkeley: University of California Press, 1987).
- 100 Paul Ruffins, "Interracial Coalitions", Atlantic, June 20, 1990, p.4. Социологические данные о в целом все более благоприятном отношении к афроамериканцам см. в работе Howard Schuman, Charlotte Steeh, and Lawrence Bobo, Racial Attitudes in America (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985).
- 101 Schuman et al., Racial Attitudes, p. 202; Lipset, "Two Americas", pp. 160-163.
- 102 Carl Zinmeister, "Black Demographics", Public Opinion, 10 (January/February 1988), pp. 41-44.
- 103 Census Bureau, Statistical Abstract, p. 444.
- 104 Заявление Германа Миллера, директора отдела статистики населения Бюро переписи, цит. в Chronicle, monthly report of Urban America, Inc., March 1969, p. 5.
- 105 The Black Population of the United States, p. 7.
- 106 Gerald D. Janes and Robin M. Williams, eds., A Common Destiny: Blacks in American Society (Washington, DC: National Academy Press, 1989), pp. 279-286.
- 107 David Ellwood and Jonathan Crane, "Family Change among Black Americans: What Do We Know?", Journal of Economic Perspectives, 4 (Fall 1990), p. 70.
- 108 Christopher Jencks, "Is the American Underclass Growing?", in: Christopher Jencks and Paul E. Peterson, eds., The Urban

Underclass (Washington, DC: The Brookings Institution, 1991), pp. 86-89.

109 Zinmeister, "Black Demographics", p. 41.

110 Janes and Williams, *Common Destiny*, p. 275.

111 Douglas S. Massey and Nancy A. Denton, *American Apartheid: Segregation and the Making of the Underclass* (Cambridge: Harvard University Press, 1993), pp. 67, 85-87.

112 Alba, *Ethnic Identity*, p. 13.

113 Schlesinger, *The Disuniting*, p. 46.

114 *Ibid.*, p. 88.

115 Lipset, "Two Americas", p. 159.

116 Jerry Seper, "Leader Urges Black Exodus", *Washington Times*, February 28, 1990, p. A1.

117 Louis Farrakhan, "The Black Man: An Endangered Species", *Final Call*, May 9, 1988.

118 Общую оценку соответствующего эффекта см. в работе S.N. Eisenstadt, "The Incorporation of the Jews in the United States", в его книге *Jewish Civilization. The Jewish Historical Experience in Comparative Perspective* (Albany: State University of New York Press, 1992), pp. 119-139.

119 Survey conducted for the American Jewish Committee by Market Facts, September 20-26, 1993 (New York: American Jewish Committee, 1993).

120 Benjamin Ginsberg, *The Fatal Embrace: Jews and the State* (Chicago: University of Chicago Press, 1993), p. 235.

121 Religion in America, Gallup Report, April 1987, Report #259.

122 Charles S. Liebman, *The Ambivalent American Jew* (Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1973), p. 177.

123 Wade Clark Roof, *A Generation of Seekers: The Spiritual Journeys of the Baby Boom Generation* (San Francisco: Harper, 1993), pp. 182-212, 241-262.

124 Steven M. Cohen, *American Assimilation or Jewish Revival* (Bloomington: Indiana University Press, 1988), p. 46.

125 Charles S. Liebman, "The Religious Life of American Jewry",

in: Marshall Sklare, ed., *Understanding American Jewry* (New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1982), p. 47.

126 Richard D. Alba, *Italian Americans: Into the Twilight of Ethnicity* (Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1985), p. 89.

127 George Gallup Jr. and Jim Castelli, *The American Catholic People* (Garden City: Doubleday, 1987), pp. 59-60.

128 Seymour Martin Lipset, *The Power of Jewish Education* (Boston and Los Angeles: The Wilstein Institute, 1994).

129 Peter Grose, *Israel in the Mind of America* (New York: Alfred A. Knopf, 1984), p. 6.

130 Sklare, *Observing America's Jews*, pp. 234-247, 262-263. Chaim I. Waxman, "Heightening Ideology, Diminishing Community: A Review Essay", *Shofar*, 12 (Winter 1992), pp. 102-103.

131 Don Lattin, "Church-State Conflict in a Jewish Town", *San Francisco Chronicle*, March 25, 1994.